

III

UNIVERSITY OF TORONTO

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Кольцовъ родился въ Воронежѣ въ 1808 году. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, велъ торговлю мясомъ, а также скупалъ и продавалъ скотъ и снималъ луга. Онъ былъ дѣльный торговецъ, но человѣкъ простой и не-

ученый; онъ отдалъ сына учиться грамотѣ, но не далъ ему кончить училища. Читать и кое-какъ писать мальчикъ умѣлъ, и это го было достаточно, по понятіямъ отца, который хотѣлъ приучить сына къ своему дѣлу. Съ 12 лѣтъ Кольцовъ началъ уже помогать отцу: ѣздилъ съ нимъ по базарамъ, сидѣлъ въ лавкѣ, бѣгалъ на посылкахъ. У мальчика было большое желаніе учиться, читать,

но учиться было негдѣ, а читать нечего; рѣдко-рѣдко скопить онъ нѣсколько копеекъ изъ денегъ, какія отецъ дастъ ему на лакомства, и купить себѣ книжку. Зато и читаетъ онъ ее, перечитываетъ, пока не выучитъ наизусть. Когда Кольцовъ подросъ, отецъ сталъ посылать его одного на базары въ деревни и села; поручалъ ему вести торги, осматривать снятые луга. Въ 16—17 лѣтъ

Кольцовъ.

Кольцовъ былъ уже дѣльнымъ помощникомъ отца. Онъ то ѣздилъ въ степь, гдѣ паслись гурты закупленнаго скота, перегонялъ его съ мѣста на мѣсто и цѣлыя недѣли проводилъ въ полѣ подѣ открытымъ небомъ; то ѣздилъ по базарамъ и ярмаркамъ, покупалъ и продавалъ мясо, шкуры, овецъ; то дома сидѣлъ въ лавкѣ и помогалъ по хозяйству.

Зимой, когда поѣздокъ не было, у Кольцова было больше свободного времени, и онъ много читалъ. Особенно любилъ онъ читать стихи. Они напоминали ему народныя пѣсни, которыя онъ пѣвалъ, и онъ задумалъ самъ сочинять такіе же стихи. Сначала дѣло шло плохо, однако, онъ не унывалъ. Свои стихи онъ показывалъ только двумъ людямъ: младшей сестрѣ, которую очень любилъ, и своему другу Серебрянскому. Серебрянскій былъ ученикъ семинаріи, очень умный и начитанный человекъ; онъ былъ гораздо образованнѣе Кольцова, давалъ ему книги, совѣтовалъ больше учиться и указывалъ ему недостатки его стиховъ. Только съ нимъ да съ сестрой и дѣлился молодой поэтъ-самоучка своими думами. Отецъ считалъ и стихи, и ученье пустяками и даже сердился, когда заставлялъ сына за книгой. Однажды стихи Кольцова попали въ руки одного образованнаго воронежскаго помѣщика. Онъ нашелъ ихъ талантливыми, познакомился съ Кольцовымъ, обласкалъ его и напечаталъ нѣсколько пѣсенъ въ журналѣ. О Кольцовѣ заговорили не только въ Воронежѣ, но въ Петербургѣ и Москвѣ. Пѣсни его всѣмъ нравились: въ нихъ было что-то родное, близкое и душевное. Тепло и любовно описывалъ Кольцовъ русскую природу, широкую степь, трудовую жизнь крестьянина, горькую долю бѣдняка... Многихъ заинтересовала и судьба поэта-самоучки, которому почти не удалось учиться и который писалъ свои пѣсни урывками, между поѣздкой на базаръ и сидѣніемъ въ лавкѣ. Кольцову пришлось побывать въ столицахъ, познакомиться съ петербургскими и московскими писателями и учеными, которые всѣ очень ласково приняли его. Совсѣмъ другую жизнь увидалъ Кольцовъ въ столицахъ, совсѣмъ другихъ людей встрѣтилъ, услышалъ новыя рѣчи.

Потянуло его къ этимъ людямъ, захотѣлось ему учиться, захотѣлось остаться здѣсь, но отецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ; онъ требовалъ, чтобы сынъ жилъ съ нимъ, хлопоталъ по его дѣламъ. Кольцовъ вернулся въ Воронежъ. Дѣлъ накоплялось все больше и больше, потому что отецъ старѣлъ и самъ вести ихъ не могъ. Поэтому приходилось ѣздить по базарамъ, распутывать тяжбы отца съ крестьянами, хозяйничать дома. Среди такой жизни на чтеніе, на стихи оставалось немного времени; только изрѣдка удавалось поэту заниматься любимымъ дѣломъ.

Вообще, тяжело сложилась жизнь Кольцова: въ юности онъ полюбилъ одну дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, но родные разлучили его съ ней. Самый близкій другъ его, Серебрянскій, умеръ; съ любимой сестрой вышла ссора, съ отцомъ тоже были вѣчные нелады. Вотъ-почему, молодой еще, Кольцовъ выглядѣлъ такимъ угрюмымъ, грустнымъ, нелюдимымъ; вотъ почему въ его стихахъ иногда вырывались такіе горькіе звуки. „Безъ любви, безъ счастья, по міру скитаюсь, разоидусь съ бѣдою, съ горемъ повстрѣчаюсь“, — говоритъ онъ въ одной пѣснѣ. Самымъ лучшимъ временемъ въ жизни Кольцова бывали тѣ дни, которые онъ проводилъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ обществѣ писателей; но это бывало недолго, и опять обступали Кольцова домашнія дразги и ссоры, торговля, хлопоты; къ тому же онъ часто хворалъ и иногда подолгу не покидалъ постели. Кольцовъ умеръ 33 лѣтъ отъ роду. Въ родномъ его городѣ Воронежѣ, на одной изъ площадей, ему поставили памятникъ, а одинъ изъ городскихъ бульваровъ назвали въ честь его „Кольцовскимъ“. Стихотворенія Кольцова, собранныя вмѣстѣ, составляютъ небольшую книжку; эти стихотворенія знаютъ всѣ грамотные люди въ Россіи.

Горькая доля.

Словьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду

Радость прошумѣла;
Пора золотая
Была, да сокрылась;

Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;
Отъ кручины — думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу,
И то измѣнило.
Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце сожигаетъ.
До поры, до время

Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился.
Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь;
Разойдусь съ бѣдою,
Съ горемъ повстрѣчаюсь.
На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ;
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ — гнѣтъ.

Кольцовъ.

Ночлеги чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины приволь-
ной.
Въ степи и пасмурно, и
темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни
луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нару-
шаетъ;
Порой проѣзжай лишь игра-
етъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звѣня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерыва-
етъ.
Между воевъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумаки раздѣтый, борода-
тый,
Поджавшись на ногахъ, си-
дять
И кашу съ саломъ кипятить.

За таборомъ недалеко
Волы усталые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ
кружкѣ
Хохлы чумазики, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, ле-
жатъ
И вдалѣ невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать
дремоту?
Давно-ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто, ночью тем-
ной,
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ вни-
малъ
Съ какой-то радостью не-
вольной...
Но вотъ во тьмѣ игра сви-
рѣли,

Вотъ тихо подь свирѣль
загѣли
Они про жизнь своихъ дѣ-
довъ,
Украины вольныя сыновъ...

И какъ тѣпѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной стра-
ны!..

Кольцовъ.

Предъ образомъ Спасителя.

Предъ Тобою, мой Богъ,
Я свѣчу погасилъ,
И премудрую книгу
Предъ Тобою закрылъ.
Твой небесный огонь
Негасимо горить;
Безконечный Твой міръ
Предъ очами раскрытъ.
Я съ любовью къ Тебѣ
Погружаюсь въ немъ,

Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!
И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ Тебя осуждалъ;
На крестѣ, подь вѣнцомъ
И спокоенъ и тихъ
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ своихъ.

Кольцовъ.

Максимъ Ивановъ.

Въ деревнѣ Яминовъ былъ пожаръ... ужасный, громадный пожаръ. Двѣнадцать избъ съ постройками были охвачены пламенемъ. Пламя волновалось, какъ море, дымъ валилъ клубомъ, вѣтеръ разносилъ далеко пылающія головни. Крики, стонъ... Чей-то плачь и рѣзкая, грубая брань, мягкая мольба о помощи, спасеніи и холодное, спокойное приказаніе „ломать“ — все это сливалось въ одинъ страшный, ужасный гулъ...

Молодая женщина бѣгала по деревнѣ, рвала на себѣ волосы и, плача, рыдая, обращалась къ толпѣ съ отчаянной мольбою.

— Дѣти мои! дѣти! спасите! спасите! ради Бога, моихъ дѣтей!.. — кричала она, окидывая толпу полубезумными глазами. Платка не было на ея головѣ, волосы растрепались — и она походила на помѣшанную. — Спасите дѣтей моихъ! — кричала она и, ничего не слушая,

бѣжала дальше, оглашая воздухъ плачемъ и стономъ, и мольбою о помощи и спасеніи.

Каждому было жаль бѣдной женщины, и мысленно, сердцемъ всѣ были готовы помочь ей. Но броситься въ огонь... рискнуть жизнью... — на этотъ подвигъ ни у кого не хватало смѣлости.

Народу сбѣжалось много: кто съ ведромъ, кто съ топоромъ, кто съ лопатою, — словно и она могла принести пользу, — но главнаго — то, пожарной трубы, и не было въ Яминовѣ... Всѣ кричали, суетились...

А пламя такъ и забирало, такъ и переходило съ одной избы на другую... А вѣтеръ такъ и металъ красныя головни... Съ пискомъ и карканьемъ кружились около пламени вороны, вылетѣвшія изъ своихъ разоренныхъ гнѣздъ.

— Дѣти мои... дѣти! — отчаянно вскрикнула женщина, подбѣгая къ своему дому, и, ломая руки, обливаясь слезами, она въ изнеможеніи упала на землю.

Вдругъ вся толпа заколыхалась, и задніе ряды наперли на первые... Послышались крики... крики какого-то удивленія и въ то же время какъ будто восторга.

Крестьянинъ, небольшого роста, въ одной рубашѣ, безъ шапки, протѣснился черезъ всю плотную массу людей, ничего недѣлавшихъ и только съ испугомъ смотрѣвшихъ на игру огня, и торопливо подошелъ къ горѣвшей избѣ.

— Помолитесь, православные! — громко крикнулъ онъ, обращаясь къ народу, и быстро началъ взбираться на кровлю по веревочной лѣстницѣ, которая была прикрѣплена къ углу, еще неохваченному пламенемъ.

Взобрался и спустился въ избу...

Толпа вдругъ смолкла... словно по командѣ, — словно по данному знаку... Всѣ съ напряженіемъ дожидались появленія отважнаго крестьянина...

И вотъ онъ появился на крышѣ... Въ рукахъ трехлѣтняя дѣвочка... безъ чувствъ, задыхающаяся... если ужъ не задохшаяся отъ дыму...

— Возьмите, возьмите ее скорѣе! — громко, что было силъ, закричалъ смѣльчакъ народу.

Молодой парень уже былъ на лѣстницѣ и принималъ къ себѣ ребенка.

— Тамъ еще!.. — и съ этими словами незнакомецъ снова скрылся въ дыму и пламени.

Раздавшіеся крики и привѣтствія снова смолкли... и опять въ толпѣ воцарилась глубокая тишина. Опасность съ каждой секундой увеличивалась, а вмѣстѣ съ ней увеличивалось и росло народное чувство, чувство страха за жизнь отважнаго незнакомца...

Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, съ затаеннымъ дыханіемъ и усердно крестились:

Но вотъ прошло болѣе четверти часа, а незнакомецъ не появлялся. Молодой парень, приведя ребенка въ чувство, бросился скорѣе къ горѣвшей избѣ. Но въ тотъ самый мигъ, когда онъ вступилъ одной ногой на лѣстницу — на крышѣ показался незнакомецъ... Что-то маленькое, завернутое въ тряпкахъ, держалъ онъ въ своихъ рукахъ...

— Возьмите... а я спущуся... — уже не прежнимъ, громкимъ, но глухо-сильнымъ голосомъ промолвилъ незнакомецъ, передавая свою ношу въ руки молодого крестьянина.

Оба они начали спускаться... И первый успѣлъ благополучно слѣзть съ крыши, но второй, отважный смѣльчакъ, опоздалъ на одну... только на одну секунду...

Онъ былъ на срединѣ лѣстницы, какъ вдругъ огонь съ трескомъ вырвался изъ кровли, и пламя охватило всю крышу... Незнакомецъ покачнулся, зашатался и невольно схватился за обрубъ крыши... Но въ этотъ самый мигъ что-то страшно треснуло, и обрубъ рухнулъ на землю... вмѣстѣ съ нимъ полетѣлъ и незнакомецъ...

На одно мгновеніе вся толпа точно замерла... но только на мгновеніе... Вдругъ мертвая тишина смѣнилась какимъ-то страннымъ шумомъ... Все заволновалось... бросилось впередъ... заговорило и кинулось къ грудѣ пылающихъ бревенъ...

Разобрали... Незнакомецъ лежалъ безъ чувствъ... ноги его были изломаны, лицо изуродовано, лѣвая рука вся раздроблена...

Его подняли и понесли въ сельскій больничный лазаретъ.

Черезъ три дня, по сдѣланнымъ справкамъ, узнали, что отважный незнакомецъ — горскій крестьянинъ, Максимъ Ивановъ, жившій въ городѣ въ малярахъ и каждую субботу приходившій на праздникъ домой, гдѣ у него были жена и двое дѣтей. Дорога же въ Горки идетъ какъ разъ черезъ самое Яминово, отстоящее отъ Горокъ на пятнадцать верстъ.

Крыловъ.

БѢЛКА.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ

Народъ толпился:

На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.

Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ:

Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,

И раздувался пышный хвостъ.

„Землячка старая, — спросилъ тутъ дроздъ, — нельзя ли

Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?“

— Охъ, милый другъ! тружусь день весь:

Я по дѣламъ гонцомъ у барина большого;

Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,

Ни даже духу перевести.

И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.

— „Да, — улетаая, дроздъ сказалъ, — то ясно мнѣ.

Что ты бѣжишь, а все на томъ же ты окнѣ“.

—

Посмотришь на дѣльца иного:

Хлопочеть, мечется — ему дивятся всѣ;

Онъ, кажется, изъ кожи рвется,

Да только все впередъ не подается,

Какъ бѣлка въ колесѣ.

Крыловъ.

Лѣтній вечеръ.

Солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей; но и тотъ потухъ.

Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чиркала съ промежутками, но все рѣже и рѣже; и та, наконецъ, свистнула слабо, незвучно въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула.

Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна.

Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой.

На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома землянками огоньки.

Настали минуты всеобщей торжественной тишины природы.

Гончаровъ.

М а ш а.

Бѣлый день занялся надъ столицей,
Сладко спитъ молодая жена,
Только труженикъ-мужъ блѣднолицый

Не ложится — ему не до сна!
Завтра Машѣ подруга покажетъ
Дорогой и красивый нарядъ...
Ничего ему Маша не скажетъ,
Только взглянуть... Убийственный взглядъ!
Въ ней одной его жизни отрада,
Такъ пускай въ немъ не видитъ врага:
Два такихъ онъ ей купить наряда.
А столичная жизнь дорога!
Лучше жить бы хотѣлъ онъ попроще,
Не франтить, не тянуться бы въ свѣтъ, —
Да обидно покажется тещѣ,
Да осудитъ богатый сосѣдъ!
Все бы вздоръ... только съ Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажетъ: „Такъ за любовь мою платишь!“
Нѣтъ, упрёки тошнѣ труда!
И кипитъ - поспѣваетъ работа,
И болитъ - надрывается грудь...
Наконецъ, наступила суббота:
Вотъ и праздникъ — пора отдохнуть!
Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.
Скоро въ гробъ его Маша уложить,
Проклянетъ свой сиротскій удѣлъ,
И, бѣдняжка, ума не приложить,
Отчего онъ такъ скоро сгорѣлъ?

Некрасовъ.

Робертъ Фультонъ.

11-го августа 1807 года жители американскаго города Нью-Йорка толпились у пристани, чтобы видѣть спускъ на воду какого-то новаго, небывалаго корабля; у воды красовался и самый корабль. На немъ не было ни мачты, ни парусовъ; только желѣзная труба одиноко возвышалась на его палубѣ. Это былъ первый па-

роходъ, построенный механикомъ Фультономъ. Говоръ и смѣхъ толпы наполняли воздухъ; среди смѣшаннаго гула часто слышалось имя Фультона, и затѣмъ раздавался смѣхъ.

— Вотъ увидите, — говорилъ хриплымъ голосомъ какой-то старикъ, обращаясь къ собравшейся вокругъ него кучкѣ народа: — какъ спустятъ на воду этотъ корабль, такъ съ машиной и колесами и поминай какъ звали. Я самъ морякъ, — продолжалъ старикъ, — ѣзжалъ тоже на корабляхъ-то не мало. Слыханное ли дѣло, чтобы машина везла по водѣ! Вотъ увидите, что пойдетъ ко дну.

— Смотрите, смотрите, — закричали другіе: — спускаютъ!..

Въ самомъ дѣлѣ, пароходъ началъ подаваться, приближаясь къ водѣ все больше и больше, и, наконецъ, совсѣмъ опустился на нее. Изъ трубы его за клубился дымъ, колеса завертѣлись, и пароходъ, словно живой, пыхтя и отдуваясь, началъ поворачиваться. На палубѣ показался его изобрѣтатель, Робертъ Фультонъ.

— Еще разъ предлагаю вамъ, господа: кто хочетъ ѣхать со мной?.. — сказалъ громкимъ голосомъ Фультонъ, обращаясь къ стоявшей на пристани толпѣ.

На берегу поднялся шумъ отъ свиста и шиканья зрителей: такъ отвѣчали американцы на предложеніе своего соотечественника испытать его изобрѣтеніе. Съ изумленіемъ и скорбью смотрѣлъ Фультонъ на толпу народа: недовѣріе и презрѣніе — вотъ награда за его многолѣтніе тяжелые труды! Пароходъ, тяжело пыхтя, сталъ понемногу удаляться изъ глазъ зрителей, направляясь къ Албани, другому американскому городу.

Народъ расходился по домамъ, толкуя все о томъ же пароходѣ. — Ишь, чего захотѣлъ! — говорилъ одинъ. — Съ ума сошелъ человѣкъ! Поѣзжай съ нимъ! Жизнь-то, небось, никому еще не надоѣла!

Между тѣмъ, пароходъ поднимался вверхъ по рѣкѣ. Съ поникшей головой стоялъ на палубѣ Фультонъ. Пароходъ плылъ; картины на берегахъ смѣнялись одна другою; ничего этого не замѣчалъ Фультонъ: въ его

головѣ проходили воспоминанія дѣтства. Вотъ идетъ онъ съ книгами и тетрадами въ народную школу, читаетъ и пишетъ, пишетъ и читаетъ, день и ночь работаетъ. Настаетъ праздникъ, — Робертъ бѣжитъ то въ одну мастерскую, то въ другую; вездѣ учится, вездѣ узнаетъ что-нибудь новое. Свободное время есть, онъ займется живописью, напишетъ образъ, картину, продастъ ихъ, а деньги отдастъ матери на хозяйство. Вотъ купилъ онъ для нея ферму на свои трудовыя деньги, а самъ поѣхалъ учиться въ Англію. Два года работаетъ онъ тамъ въ мастерскихъ у механиковъ: полюбилъ онъ механику. Вдругъ голова его озаряется мыслью устроить корабль, который ходилъ бы по водѣ безъ парусовъ, на колесахъ, при помощи пара, и въ тихую погоду, и въ бурю, по вѣтру и противъ вѣтра. И трудится, долго трудится онъ надъ этимъ изобрѣтеніемъ... Теперь цѣль достигнута, — и что же?.. Публично осмѣянный, освищенный, одинъ плыветъ онъ на своемъ пароходѣ. Воспользуются ли когда-нибудь люди его изобрѣтеніемъ?..

Между тѣмъ, пароходъ подошелъ къ Альбани и сталъ у пристани. Толпа любопытныхъ высыпала на берегъ. И здѣсь Фультонъ предлагалъ каждому ѣхать съ нимъ обратно въ Нью-Йоркъ, но и здѣсь никто не принялъ его предложенія. Долго стоялъ пароходъ. Наконецъ, явился одинъ пассажиръ. Чуть не съ распростертыми объятіями встрѣтилъ его Фультонъ и едва не заплакалъ, когда тотъ подаль ему плату за переѣздъ. Нѣсколько минутъ глядѣлъ Фультонъ на деньги, какъ будто разсматривая ихъ.

— Не ошибся ли я? Можетъ быть больше слѣдуетъ? — спросилъ пассажиръ, замѣтивъ, что Фультонъ долго и пристально смотритъ на деньги.

— Нѣтъ, нѣтъ, не больше, — отвѣчалъ Фультонъ: — эту именно плату я и назначилъ за проѣздъ отъ Альбани до Нью-Йорка. Но видите, въ чемъ дѣло: вы — первый человѣкъ, который согласился испытать пользу моего изобрѣтенія, а эти деньги — первая плата за мои многолѣтніе труды.

Мало-по-малу у нихъ завязался оживленный разговоръ. Фультонъ излилъ передъ нимъ всю горечь, накопившую въ его сердцѣ въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ; онъ говорилъ ему о тѣхъ препятствіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ на каждомъ шагѣ съ тѣхъ поръ, какъ задумалъ устроить пароходъ.

— Теперь, — такъ заключилъ свою рѣчь Фультонъ, — пароходъ, наконецъ, построенъ и идетъ отъ города къ городу, предлагая свои услуги жителямъ. И что же?..

— Не тужите! — прервалъ его пассажирь. — Черезъ нѣсколько лѣтъ ваши пароходы покроютъ моря и рѣки во всѣхъ направленіяхъ.

Предсказаніе пассажира сбылось. Кто не знаетъ теперь пароходовъ!

Въ февралѣ 1815 г. почти всѣ жители Нью - Йорка собрались въ торжественно-печальномъ шествіи за гробомъ механика Фультона. Пушки съ пароходовъ неумолкаемо палили, напоминая своимъ ревомъ, что великій человѣкъ не совсѣмъ умеръ, а оставилъ по себѣ великій памятникъ всему человѣчеству.

О б е з ь я н а.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.

Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!

Мартышку это въ зависть вводить.
Хвалы приманчивы — какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:

Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!

Хлопотъ

Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватить,

То поволочетъ, то покатить;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И, наконецъ, она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

—
Какъ хочешь ты трудись;
Но приобрѣсть не лстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.
Крыловъ.

Исторія пяти горошинъ.

Въ стручкѣ сидѣло пять горошинъ; сами онѣ были зеленныя, стручокъ тоже, ну, онѣ и думали, что весь міръ зеленый; такъ и должно было быть! Стручокъ росъ, росли и горошины; онѣ приворавливались къ помѣщенію и сидѣли всѣ въ рядъ. Солнышко освѣщало и пригрѣвало стручокъ, дождикъ поливалъ его, и онъ дѣлался все чище, прозрачнѣе; горошинамъ было хорошо, уютно, свѣтло днемъ и темно ночью — какъ и слѣдуетъ. Онѣ все росли да росли и все больше и больше думали, сидя въ стручкѣ, — что-нибудь да надо же было дѣлать!

— Вѣкъ, что ли, сидѣть намъ тутъ? — говорили онѣ. — Какъ бы намъ не зачерствѣть отъ такого сидѣнья!.. А сдается намъ, есть что-то и за нашимъ стручкомъ! Ужъ такое у насъ предчувствіе!

Прошло нѣсколько недѣль; горошины пожелтѣли, стручокъ тоже.

— Весь міръ желтѣетъ! — сказали онѣ, и кто-жъ бы имъ помѣшалъ говорить такъ.

Вдругъ онѣ почувствовали сильный толчокъ; стручокъ былъ сорванъ человѣческою рукой и сунутъ въ карманъ къ другимъ стручкамъ.

— Ну, вотъ, теперь скоро насъ выпустятъ на волю! — сказали горошины и стали ждать.

— А хотѣлось бы мнѣ знать, кто изъ насъ пойдетъ дальше всѣхъ! — сказала самая маленькая. — Впрочемъ, скоро увидимъ!

— Будь, что будетъ! — сказала самая большая.

Хрусть! — стручокъ лопнулъ, и всѣ пять горошинъ выкатились на Божій свѣтъ. Онѣ лежали на дѣтской ладони; маленькій мальчикъ разглядывалъ ихъ и говорилъ, что онѣ какъ разъ пригодятся ему для стрѣльбы изъ бузиновой трубочки. И вотъ, одна горошина живо очутилась въ трубочкѣ; мальчикъ дунулъ, и она вылетѣла.

Лечу, лечу, куда хочу! Лови, кто можетъ! — закричала она, и слѣдъ ея простылъ.

— А я полечу прямо на солнце; вотъ настоящий-то стручокъ! Какъ разъ по мнѣ! — сказала другая.

Простылъ и ея слѣдъ.

— А мы куда придемъ, тамъ и заснемъ! — сказали двѣ слѣдующія. — Но мы-таки до чего-нибудь докатимся!

Онѣ и правда прокатились по полу, прежде чѣмъ попасть въ бузиновую трубочку, но все-таки попали въ нее

Мы дальше всѣхъ пойдемъ!

— Будь, что будетъ! — сказала послѣдняя, взлетѣла кверху, попала на старую деревянную крышу и закатилась въ щель, какъ разъ подъ окошечкомъ чердачной коморки.

Въ щели былъ мохъ и рыхлая земля; мохъ спрятали горошину; такъ она и осталась лежать тамъ скрытая, но не забытая Господомъ Богомъ.

— Будь, что будетъ! — говорила она.

А въ коморкѣ-то жила бѣдная женщина. Она ходила на подневную работу; чистила печи, пилила дрова, — словомъ, исполняла всякую тяжелую работу; силъ у нея было довольно, охоты работать тоже не занимать стать, но изъ нужды она все-таки не выбивалась! Дома оставалась у нея единственная дочка-подростокъ. Она была такая худенькая, тщедушная; цѣлый годъ ужъ лежала въ постели ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ.

— Она уйдетъ къ сестренкѣ! — говорила мать. — У меня вѣдь ихъ двѣ было. Тяжеленько было мнѣ кор-

мѣть двоихъ; ну, вотъ Господь Богъ и подѣлилъ со мною заботу, взялъ одну къ Себѣ! Другую-то мѣ хотѣлось бы сохранить, да Онъ, видно, не хочетъ разлучать сестеръ! И она уйдетъ къ сестренкѣ!

Но больная дѣвочка все жила; терпѣливо, смиренно лежала она день денской въ постели, пока мать была на работѣ.

Дѣло было весною, рано утромъ, передъ самымъ уходомъ матери на работу. Солнышко свѣтило черезъ маленькое окошечко прямо на полъ, и больная дѣвочка посмотрѣла въ нижнее оконное стекло.

— Что это тамъ зеленѣетъ за окномъ? Такъ и колышется отъ вѣтра!

Мать подошла къ окну и пріотворила его.

— Ишь ты! — сказала она. — Да это горошинка пустила ростки! И какъ она попала сюда въ щель? Ну, вотъ у тебя теперь будетъ свой садикъ!

Придвинувъ кровать больной поближе къ окну, чтобы дѣвочка могла любоваться зеленымъ росткомъ, мать ушла на работу,

— Мама, я думаю, что поправлюсь! — сказала дѣвочка вечеромъ. — Солнышко сегодня такъ пригрѣло меня. Горошинка, видишь, какъ славно? Я тоже поправлюсь и выйду на солнышко.

— Дай-то Богъ! — сказала мать, но не вѣрила, что это случится.

Однако, она подперла зеленый ростокъ, подбодрившій дѣвочку, небольшою палочкой, чтобы онъ не сломился отъ вѣтра; потомъ взяла тоненькую веревочку и одинъ конецъ прикрѣпила къ крышѣ, а другой привязала къ верхнему краю оконной рамы. За эту веревочку побѣги горошины могли цѣпляться, когда станутъ подрастать. Такъ и вышло: побѣги замѣтно росли и ползли вверхъ по веревочкѣ.

— Ахъ, да она скоро расцвѣтетъ! — сказала женщина однажды утромъ и съ этой минуты тоже стала надѣяться и вѣрить, что больная дочка ея поправится.

Ей припомнилось, что дѣвочка въ послѣднее время говорила какъ будто живѣе, по утрамъ сама приподы-

малась съ постели и долго сидѣла, любуясь своимъ гороховымъ садикомъ съ одною горошинкой; а какъ блесѣли при этомъ ея глазки! Черезъ недѣлю больная въ первый разъ встала съ постели на цѣлый часъ. Какъ рада была она посидѣть на солнышкѣ! Окошко было отворено, а за окномъ покачивался вполнѣ распустившійся бѣло-розовый цвѣточекъ. Дѣвочка высунулась въ окошко и нѣжно поцѣловала тонкіе лепестки. День этотъ былъ для нея настоящимъ праздникомъ.

— Господь Богъ Самъ посадилъ и взростилъ цвѣточекъ, чтобы ободрить и порадовать тебя, милое дитяtko, да и меня тоже! — сказала счастливая мать и улыбнулась цвѣточку, какъ ангелу небесному, посланцу Божьему.

Ну, а другія-то горошины? Та, что летѣла, куда хотѣла, — лови, дескать, кто можетъ, — попала въ водосточный жолобъ, а оттуда въ голубиный зобъ, и лежала тамъ, какъ Іона во чревѣ кита. Двѣ лѣнницы пошли такъ же далеко — ихъ тоже проглотили голуби. Что жъ, все-таки онѣ принесли существенную пользу! А четвертая, что собиралась забраться на солнце, упала въ канавку и лежала себѣ да бухла въ заплесневѣлой водѣ.

— Какъ я славно раздобрѣла! — говорила горошина. — Право, я скоро лопну, а ужъ дальше этого, я думаю, не пойти ни одной горошинѣ. Я самая замѣчательная изъ всѣхъ пяти!

Канавка была съ нею вполне согласна.

А у окна, выходящего на крышу, стояла дѣвочка, съ блестящими глазками, румяная и здоровая; она сложила руки и благодарила Бога за гороховый цвѣточекъ.

— А я все-таки стою за мою горошину! — сказала канавка.

Андерсен.

Андерсенъ.

Казацья колыбельная пѣсня.

Спи, младенец мой пре- красный, Баюшки-баю.	Стану сказывать я сказки, Пѣсенку спою; Ты жь дремли, закрывши глазки, Баюшки-баю.
Тихо смотреть мѣсяць ясный Въ колыбель твою.	

По камнямъ струится Те-
рекъ,
Плещетъ мутный валь;
Злой чеченъ ползетъ на
берегъ,
Точить свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый
воинъ,
Закаленъ въ бою.
Спи, малютка, будь спо-
коенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь—будетъ вре-
мя—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешъ ногу въ
стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ
виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я вый-
ду—

Ты махнешъ рукой...
Сколько горькихъ слезъ
украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо,
сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не
знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опас-
ный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой пре-
красный,
Баюшки-баю.
Лермонтовъ.

Г р о з а.

Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становился душенъ и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и трава—все облеклось въ безразличный, какой-то зловѣщій цвѣтъ.

Съ запада тянулось, точно живое чудовище, черное, безобразное пятно съ мѣднымъ отливомъ по краямъ и быстро надвигалось на село и на рошу, простирая будто

огромныя крылья по сторонамъ. Все затосковало въ при-родѣ. Коровы понурили головы; лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами. Туча надвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ.

Все притихло, какъ будто ожидало чего-то небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя такъ рѣзко порхали и пѣли при солнышкѣ? Гдѣ насѣкомыя, что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось и безмолвствовало, и бездушные предметы, казалось, раздѣляли зловѣщее предчувствіе. Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями; они выпрямились; только изрѣдка наклонялись верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шопотомъ о близкой опасности. Туча уже обложила горизонтъ и образовала какой-то свинцовый, непроницаемый сводъ. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во-время по домамъ. Наступила минута всеобщаго торжественнаго молчанія. Вотъ отъ лѣсу, какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо путнику, прошумѣлъ по листьямъ, захлопнулъ мимоходомъ ворота въ избѣ и, вскрутя пыль на улицѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли; вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю, взвилъ юбку у несущей воду крестьянки и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ хвосты.

Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется: только глупый баранъ не предчувствуетъ ничего: онъ равнодушно жуетъ свою жвачку, стоя посреди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая общей тревоги; да перышко съ соломинкой, кружась по дорогѣ, сияется поспѣть за вихремъ.

Упали двѣ-три крупныя капли дождя — и вдругъ блеснула молнія. Старикъ всталъ съ завалинки и по-

сѣшно повель маленькихъ внучать въ избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно.

Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно, царственно прокатился въ воздухъ.

Гончаровъ.

Т у ч а.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!

Одна ты несешься по ясной лазури,

Одна ты наводишь унылую тѣнь,

Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,

И молнія грозно тебя обвивала;

И ты издавала таинственный громъ

А алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась.

Земля освѣжилась и буря промчалась,

И вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ,

Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

Пушкинъ.

Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ

Наѣлась желудей досыта, доотвала;

Наѣвшись, выпалась подъ нимъ;

Потомъ, глаза продравши, встала

И рыломъ подрывать у дуба корни стала.

„Вѣдь, это дереву вредить,—

Ей съ дуба воронъ говоритъ:—

Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ“.

— Пусть сохнетъ, говоритъ свинья:—

Ничуть меня то не тревожить;

Въ немъ проку мало вижу я;

Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;

Лишь были бъ желуды: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.

„Неблагодарная! промолвить дубъ ей тутъ:

Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,

Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ.

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранить науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онѣ вкушаетъ ихъ плоды.
Крыловъ.

Флоренса Найтингель.

Флоренса Найтингель была англичанка. Родители ея были очень богаты и ничего не жалѣли для воспитанія ребенка. У нея были лучшіе учителя: ее учили и иностраннымъ языкамъ, и рисованію, и музыкѣ; ее одѣвали, какъ куколку, веселили, баловали. Дѣвочкѣ предстояла блестящая свѣтская жизнь. Но еще ребенкомъ Флоренса не походила на дѣтей-сверстницъ: она избѣгала шумныхъ игръ, чуждалась веселья, была равнодушна къ нарядамъ. Она уже въ дѣтствѣ хотѣла быть кому-нибудь полезной; ея маленькое сердце было полно состраданія и жалости ко всѣмъ несчастнымъ: она любила навѣщать больныхъ, ласкала бѣдныхъ дѣтей; всѣ свои деньги она отдавала нищимъ, и всякое людское горе находило откликъ въ душѣ впечатлительнаго ребенка.

Прошли года; изъ дѣвочки Флоренса обратилась въ молодую дѣвушку. Она была красива, образованна, богата, она могла бы вести веселую, беззаботную жизнь, но такая жизнь ее мало интересовала. И въ то время, какъ другія дѣвушки ея возраста и ея положенія ѣздили на балы, въ театры и концерты, она посѣщала больницы и училась тамъ уходу за больными; ходила въ бесплатныя школы учить дѣтей бѣдняковъ; посѣщала тюрьмы и исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ; и когда въ мрачныхъ стѣнахъ тюрьмы появлялась свѣтлая фигура молодой дѣвушки, съ ясными глазами и привѣтливой улыбкой, — разглаживались морщины на самыхъ суровыхъ лицахъ, и гостью встрѣчали

и провожали ласковымъ словомъ; она носила въ тюрьму Евангелія и другія книги, покупала для заключенныхъ съѣстные припасы; но дорожке подарковъ были ея ласка, ея привѣтъ, ея доброе, участливое отношеніе къ людямъ. Такъ проводила она свою молодость.

Въ 1854 году началась Крымская война. Англичане терпѣли подъ Севастополемъ много лишеній; объ этомъ краснорѣчиво писали въ англійскихъ газетахъ. Солдаты и голодали, и холодали; у нихъ былъ недостатокъ въ одеждѣ, въ топливѣ, въ продовольствіи. Развились болѣзни, усилилась смертность, а ухода за больными и ранеными почти не было. Не хватало мѣстъ въ госпиталяхъ, не хватало докторовъ, больничной прислуги. Всѣ эти извѣстія глубоко волновали Флоренсу; она рвалась на помощь своимъ соотечественникамъ. Но какъ это сдѣлать? И вотъ Флоренса рѣшила собрать нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, обучила ихъ уходу за больными и предложила имъ ѣхать съ ней на мѣсто войны. Кромѣ того, она выхлопотала у англійскаго министра позволеніе открыть поблизости отъ мѣста войны госпиталь на свой собственный счетъ. Очень многіе не одобряли плана отважной дѣвушки: кто говорилъ, что она не принесетъ никакой пользы, кто предполагалъ, что она затѣяла все это изъ тщеславія, чтобы всѣ заговорили о ней. Но Флоренса не обратила вниманія на всѣ эти толки и со своимъ маленькимъ отрядомъ въ 38 человекъ пустилась въ далекое путешествіе. Помощницы ея назывались сестрами; у нихъ у всѣхъ была одинаковая одежда — простое сѣрое платье, бѣлый чепчикъ и такой же передникъ съ нашитымъ на немъ крестомъ.

Неблизкое путешествіе изъ Англіи къ Севастополю. И моремъ, и сушей въ продолженіе многихъ дней пришлось ѣхать отважнымъ дѣвушкамъ; а съ перваго дня пріѣзда надо было приниматься за дѣло. Работы было много. Флоренса обошла всѣхъ раненыхъ, распорядилась немедленно привести въ порядокъ запущенныя, грязныя помѣщенія, распредѣлила занятія между сестрами, и дѣло закипѣло. Уходъ за больными, хозяй-

ство, бѣлье, заботы о чистотѣ и порядкѣ, переписка съ англійскимъ правительствомъ и требованія отъ него помощи — все это лежало на обязанности Флоренсы. Иногда ей случалось быть на ногахъ по 20 часовъ въ сутки. Ласковая и нѣжная съ ранеными, она дни и ночи проводила у изголовья самыхъ тяжело больныхъ; впечатлительная, слабая, она присутствовала на самыхъ тяжелыхъ операціяхъ, ободряя слабыхъ, благословляя умирающихъ.

Когда кончилась война, Флоренса вернулась на родину, но не для того, чтобы отдыхать, а чтобы опять работать тому же дѣлу. Она устно и письменно проповѣдывала всюду о великомъ значеніи общинъ сестеръ милосердія. Она устроила въ Лондонѣ госпиталь для солдатъ; подъ ея руководствомъ обучались уходу за больными сестры милосердія; она написала книгу объ уходѣ за больными и ранеными. Книга эта переведена на многіе языки. До конца жизни, слабая, больная посѣщала она больницы и заботилась обо всѣхъ, нуждающихся въ ея помощи.

Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Пале-	Когда листы твои сплетали
стины,	Солима бѣдные сыны?
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣ-	И пальма та жива-ль по-
ла?	нынѣ?
Какихъ холмовъ, какой до-	Все также-ль манитъ въ
лины	лѣтній зной
Ты украшеніемъ была?	Она прохожаго въ пустынѣ
У водъ ли чистыхъ Іор-	Широколиственной главой?
дана	Или, въ разлукѣ без-
Востока лучъ тебя ласкалъ,	отрадной,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ	Она увяла, какъ и ты,
Ливана	И дольний прахъ ложится
Тебя сердито колыхалъ?	жадно
Молитву-ль тихую чи-	На пожелтѣвшіе листы?..
тали,	Повѣдай: набожной ру-
Иль пѣли пѣсни старины,	кою

Кто въ этотъ край тебя за- несъ?	Заботой тайною хранима.
Грустиль онъ часто надъ тобою?	Передъ иконою золотой Стоишь ты, вѣтвь Еруса- лима,
Хранишь ты слѣдъ горю- чихъ слезъ?	Святыни вѣрныи часовой! Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Иль, божьей рати лучшій воинъ,	Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Онъ былъ, съ безоблач- нымъ челомъ,	Все полно мира и отрады
Какъ ты, всегда небесъ до- стоинъ	Вокругъ тебя и надъ то- бой.
Передъ людьми и боже- ствомъ?..	

Лермонтовъ.

М Е Д В Ъ Д И.

Съ четырехъ уѣздовъ сошлись несчастные цыгане со всѣмъ своимъ скарбомъ, съ лошадьми и медвѣдями. Больше сотни косолапыхъ звѣрей, отъ маленькихъ медвѣжатъ до огромныхъ стариковъ въ посѣдѣвшихъ и выцвѣтшихъ шкурахъ, было собрано на городскомъ выгонѣ. Цыгане съ ужасомъ ждали рѣшительнаго дня. Многіе, пришедшіе первыми, жили на городскомъ выгонѣ уже недѣли двѣ; начальство ждало прихода всѣхъ переписанныхъ къ тому времени цыганъ, чтобы устроить разомъ большую казнь. Имъ было дано пять лѣтъ льготы послѣ выхода закона, прекратившаго промыслъ ручными медвѣдями, и теперь срокъ этой льготы истекъ; цыгане должны были явиться въ назначенные для сбора пункты и сами перебить своихъ кормильцевъ... Но вотъ въ лагерѣ собравшихся цыганъ все успокоивается; по-прежнему тушатъ ненужные огни; медвѣди, ворочаясь, звякаютъ своими цѣпами и изрѣдка глухо урчатъ подъ телѣгами, къ которымъ прикованы; цыгане укладываются спать. Одинъ изъ нихъ отошелъ въ сторону и горловымъ теноромъ запѣлъ странную пѣсню на родномъ языкѣ, — своеобразную, дикую, заунывную, чуждую для уха, донесшуюся откуда-то изъ неизвѣданной темноты...

Никто не знаетъ, когда сложена она, какія степи, лѣса и горы породили ее; она осталась живымъ свидѣтелемъ старины, забытой и тѣмъ, кто поетъ ее теперь подъ чужимъ, горящимъ звѣздами небомъ, въ чужихъ степяхъ... Настало, наконецъ, пасмурное, холодное, настоящее сентябрьское утро. Изрѣдка накрапывалъ мелкій дождь, но, несмотря на него, множество зрителей обогло пола и всѣхъ возрастовъ пришли на лугъ посмотреть интересное зрѣлище. Городъ почти опустѣлъ. Въ лагерѣ не было большого шума: женщины забились въ шатры, вмѣстѣ съ маленькими ребятишками, чтобы не видѣть казни, и только изрѣдка изъ котораго-нибудь изъ нихъ вырывался отчаянный вопль; мужчины лихорадочно дѣлали послѣднія приготовленія. Они откатывали къ краю становища телѣги и привязывали къ нимъ звѣрей. Медвѣди были не совсѣмъ спокойны: необыкновенная обстановка, странные приготовленія, огромная толпа, большое скопленіе ихъ самихъ въ одномъ мѣстѣ — все приводило ихъ въ возбужденное состояніе; они порывисто метались на своихъ цѣпяхъ или грызли ихъ, глухо рыча. Старый Иванъ стоялъ возлѣ своего огромного кривого медвѣдя. Его сынъ, пожилой цыганъ, уже съ серебристой просѣдою въ черныхъ волосахъ, и внукъ, съ помертвѣвшими лицами и горящими глазами, торопливо привязывали медвѣдя.

— Ну, старикъ, — сказалъ исправникъ, — прикажи ребятамъ, чтобы начинали.

Толпа зрителей заволновалась, поднялся говоръ, крики, но скоро все стихло, и среди мертвой тишины раздался негромкій, но важный голосъ. Это говорилъ старикъ Иванъ.

— Дозволь, господинъ добрый, сказать мнѣ слово. Прошу васъ, братья, дайте мнѣ первому покончить. Старше я всѣхъ васъ: девяносто лѣтъ черезъ годъ мнѣ стукнетъ, а медвѣдей вожу я сызмала. И во всемъ таборѣ нѣту звѣря старше моего.

Онъ опустилъ сѣдую курчавую голову на грудь, горько покачалъ ею и вытеръ кулакомъ глаза. Потомъ

онъ выпрямился, поднялъ голову и продолжалъ громче и тверже прежняго.

— Потому и хочу я первый покончить. Думаль я, что не доживу до такого горя, думаль и медвѣдь мой любимый не доживетъ, да, видно, не судьба: своей рукой долженъ я убить его, кормильца своего и благодѣтеля. Отвяжите его, пустите на волю. Никуда не пойдетъ онъ: намъ съ нимъ, старикамъ, отъ смерти не бѣгать. Отвяжи его, Вася: не хочу убивать его, какъ скота на привязи. Не бойтесь, — сказалъ онъ зашумѣвшей толпѣ: — не тронетъ онъ никого.

Юноша отвязалъ огромнаго звѣря и отвелъ немного отъ телѣги. Медвѣдь усѣлся на заднія лапы, спустилъ переднія внизъ, и раскачивался изъ стороны въ сторону, тяжело вздыхая и хрипя. Онъ былъ, дѣйствительно, очень старъ; его зубы были желтые, шкура порыхлѣла и вылѣзла; онъ дружелюбно и печально смотрѣлъ на своего стараго хозяина единственнымъ маленькимъ глазомъ. Кругомъ была мертвая тишина. Слышно было только, какъ звякали о стволы и тупо стучали о пыжи шомполы заряжаемыхъ винтовокъ.

— Дайте ружье, — твердо сказалъ старикъ.

Сынъ подаль ему винтовку. Онъ взялъ ее и, прижимая къ груди, началъ говорить снова, обращаясь къ медвѣдью.

— Убью я тебя сейчасъ, Потапъ. Дай Боже, чтобы старая рука моя не дрожала, чтобы попала тебѣ пуля въ самое сердце. Не хочу я мучить тебя, не того ты заслужилъ, медвѣдь мой старый, товарищъ мой добрый. Взялъ я тебя маленькимъ медвѣжонкомъ; глазъ у тебя былъ выколотъ, носъ отъ кольца гнилъ; болѣлъ ты и чахъ; я за тобой, какъ за сыномъ, ходилъ и жатѣлъ тебя, и выросъ ты большимъ и сильнымъ медвѣдемъ; нѣтъ другого такого во всѣхъ таборахъ, что здѣсь собирались. И выросъ ты и не забылъ добра моего: между людьми у меня друга такого, какъ ты, не было. Ты добръ, и смиренъ былъ, и понятливъ, и всему учился, и не видѣлъ я звѣря добрее и понятливее. Что я былъ безъ тебя? Твоею работою вся семья моя жила.

Ты справилъ мнѣ двѣ тройки коней, ты мнѣ хату на зиму выстроилъ. Больше еще сдѣлать ты: сына моего отъ солдатчины избавилъ. Большая наша семья, и всѣхъ отъ стараго до малаго младенца, ты въ ней до сихъ поръ кормилъ и берегъ. И любилъ я тебя крѣпко, и не билъ больно, а если виновать въ чемъ передъ тобою, прости меня, въ ноги тебѣ кланяюсь.

Онъ повалился медвѣдю въ ноги. Звѣрь тихо и жалобно зарычалъ. Старикъ рыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Бей, батюшка — сказалъ ему сынъ, — не рви намъ сердце.

Иванъ поднялся. Слезы больше не текли изъ его глазъ. Онъ отвелъ со лба упавшую на него свою сѣдую гриву и продолжалъ твердымъ и звонкимъ голосомъ:

— И вотъ теперь я убить тебя долженъ... Приказали мнѣ, старикъ, застрѣлить тебя своей рукой; нельзя тебѣ больше жить на свѣтѣ. Что же? Пусть Богъ на небѣ разсудитъ насъ съ ними.

Онъ взвелъ курокъ и твердой еще рукой прицѣлился въ звѣря, въ грудь подъ лѣвую лапу. И медвѣдь понялъ. Изъ его пасти вырвался жалобный, отчаянный ревъ; онъ всталъ на дыбы, поднявъ переднія лапы и какъ будто закрывая ими себѣ глаза, чтобы не видѣть страшнаго ружья. Вопль раздался между цыганами; въ толпѣ многіе плакали; старикъ съ рыданіемъ бросилъ ружье о землю и безсильно повалился на него. Сынъ бросился подымать его, а внукъ схватилъ ружье.

— Будетъ! — закричалъ онъ дикимъ изступленнымъ голосомъ, сверкая глазами. — Довольно! Бей, братцы, одинъ конецъ!

И, подбѣжавъ къ звѣрю, онъ приложилъ дуло въ упоръ къ его уху и выстрѣлилъ. Медвѣдь рухнулъ безжизненной массой; только лапы его судорожно вздрогнули, и пасть раскрылась, какъ будто зѣвая. По всему табору затрещали выстрѣлы, заглушаемые отчаяннымъ воемъ женщинъ и дѣтей. Легкій вѣтеръ относитъ дымъ къ рѣкѣ.

Гаршинъ.

Цыганскій таборъ.

Цыгане шумною толпой	Заботы мирныя семей,
По Бессарабиі кочуютъ.	Готовыхъ съ утромъ въ
Они сегодня надъ рѣкой	путь недалній,
Въ шатрахъ изодранныхъ	И пѣсни женъ, и крикъ
ночуютъ.	дѣтей,
Какъ вольность, весель ихъ	И звонъ походной на-
ночлегъ	вальни.
И мирный сонъ подъ небе-	Но вотъ на таборъ кочевой
сами.	Нисходитъ сонное молчанье,
Между колесами телѣгъ,	И слышно въ тишинѣ степ-
Полузавѣшанныхъ коврами,	ной
Горить огонь; семья кру-	Лишь лай собакъ да коней
гомъ	ржанье.
Готовитъ ужинъ; въ чи-	Огни вездѣ погашены.
стомъ полѣ	Спокойно все. Луна сіяетъ
Пасутся кони; за шатромъ	Одна съ небесной вышины
Ручной медвѣдь лежитъ на	И тихій таборъ озаряетъ.
волѣ.	
Все живо посреди степей:	

Пушкинъ.

Съ крѣпостного вала.

Осень. Стоимъ на валу, устремивъ взоръ на волнующуюся синеву моря. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ паруса кораблей; вдали виднѣется высокій, весь облитый лучами вечерняго солнца, берегъ Швеціи. Позади насъ валь круто обрывается; онъ обсаженъ великолѣпными раскидистыми деревьями; пожелтѣвшіе листья кружатся по вѣтру и усыпаютъ землю. У подножія вала мрачное строеніе, обнесенное деревяннымъ частоколомъ, за которымъ ходитъ часовой. Какъ тамъ темно и мрачно за этимъ частоколомъ! Но еще мрачнѣе въ самомъ зданіи, въ камерахъ съ рѣшетчатыми окнами. Тамъ сидятъ заключенные, тяжкіе преступники.

Лучъ заходящаго солнца падаетъ на голыя стѣны камеры. Солнце свѣтитъ и на злыхъ, и на добрыхъ!

Угрюмый, суровый заключенный злобно смотритъ на этотъ холодный солнечный лучъ. Вдругъ на оконную рѣшетку садится птичка. И птичка поетъ для злыхъ и для добрыхъ! Пѣсня ея коротка: „кви-вить!“ — вотъ и все! Но сама птичка еще не улетаетъ; вотъ она машетъ крылышками, чиститъ перышки, топорщится и взъерошиваетъ хохолокъ... Закованный въ цѣпи преступникъ смотритъ на нее, и злобное выраженіе его лица мало-по-малу смягчается, какое-то новое чувство, въ которомъ онъ и самъ хорошенько не отдаетъ себѣ отчета, наполняетъ его душу. Это чувство сродни солнечному лучу и аромату фіалокъ, которыхъ такъ много растетъ тамъ, на волѣ, весною!.. Чу! раздались жизнерадостные, мощные звуки охотничьихъ роговъ. Птичка улетаетъ, солнечный лучъ потухаетъ, и въ камерѣ опять темно; темно и въ сердцѣ преступника, но все же по этому сердцу скользнулъ солнечный лучъ, оно отозвалось на пѣніе птички.

Андерсенъ.

Колодники.

Спускается солнце за степи, Забудемъ лихую бѣду!
Вдали золотится ковыль; Ужъ, видно, такая невзгода
Колодниковъ звонкія цѣпи Написана намъ на роду!—
Взмечаютъ дорожную пыль.

Идутъ они събранными лбами, И вотъ, повели, затянули,
Шагаютъ впередъ тяжело, Поютъ, заливаясь, они
Угрюмыя сдвинули брови, Про Волги широкой раз-
На сердце раздумье легло. долье,
Про даромъ минувшіе дни;

Идутъ съ ними длинныя Поютъ про свободныя сте-
 тѣни, пи,
Двѣ клячи телѣгу везутъ, Про дикую волю поютъ.
Лѣниво сгибая колѣни День меркнетъ все болѣ,—
Конвойные съ ними идутъ. а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ...

— Что, братцы, затянемте
 пѣсню,

А. Толстой.

Евангеліе.

Когда отрада упованья	Здѣсь чудный голосъ отзо-
Въ тебѣ погаснетъ безъ	вется
слѣда,	Всепокоряющей любви;
И будутъ тяжелы стра-	Онъ надъ тобою пронесется:
данья,	„Страдай! терпи! люби!
И за бѣдой придетъ бѣда,	живи!“
Тогда бери ты книгу эту!	И этотъ голосъ чудной
Здѣсь, на страницахъ ты	силой
ея	Больную душу оживить;
Найдешь призывъ къ добру	Она не дрогнетъ предъ мо-
и свѣту.	гилой
И на страданіе твое	И горе жизни побѣдить.

Петръ Куперъ.

Американскія дѣти рано дѣлаются самостоятельными. Въ Америкѣ некогда ждать, некогда лѣниться. Всѣ спѣшуть жить; всѣ спѣшаютъ скорѣе стать на ноги и приняться за дѣло. „Помогай себѣ самъ“, говоритъ американская поговорка, и всѣ въ Америкѣ приучаются заботиться о себѣ съ дѣтскихъ лѣтъ. Десятилѣтній мальчишкѣ тамъ уже работникъ. Такова ужъ жизнь Америки, кипучая, дѣятельная; таковы люди, живые, бодрые, сильные духомъ и тѣломъ. Такимъ самостоятельнымъ ребенкомъ былъ и Петръ Куперъ, сынъ бѣднаго шляпочника. Въ огромной нищенской семьѣ отца, состоявшей изъ девяти человѣкъ, Петръ былъ пятымъ ребенкомъ. Рано узналъ онъ суровую нужду, рано принялся за работу. Мальчику не было и семи лѣтъ, своей кудрявой головкой онъ едва доставалъ до края стола, а ему уже нашлось занятіе—очищать пикурки, изъ которыхъ отецъ дѣлалъ шляпы; потомъ онъ научается ставить заплаты на дырявыхъ башмакахъ своихъ братьевъ и скоро обращается въ домашняго сапожника, обувая всю семью. Въ это же время онъ приучается къ отцовскому ремеслу и бѣгаетъ въ

школу, чередуясь съ братомъ. Шляпочное мастерство плохо кормить большую семью; нужда даетъ себя чувствовать и заставляетъ искать новыхъ заработковъ. Петръ Куперъ ко всему прикладываетъ руки: онъ и шляпы шьетъ, и сапоги точаетъ, и кирпичи дѣлаетъ, и варитъ пиво. Среди такой жизни на ученіе не оставалось времени: не было ни денегъ, ни досуга. Въ школѣ Куперъ пробылъ меньше года и едва научился грамотѣ.

Въ 17 лѣтъ, скопивъ себѣ немного денегъ, Куперъ разстался съ семьей и пошелъ искать счастья и работы. Онъ поселился въ Нью-Йоркѣ, самомъ большомъ и людномъ городѣ Америки. Жутко среди этой суеты, шума молодому рабочему, но онъ не унываетъ, смѣло глядитъ въ будущее и вѣритъ въ свою удачу. Онъ работаетъ, не покладая рукъ: и у каретника, и на кирпичномъ заводѣ, и на ткацкой фабрикѣ; а на часть заработанныхъ денегъ покупаетъ книги, которыя читаетъ въ свободное время. Такой школы, куда бы могъ ходить учиться взрослый юноша, въ то время въ Нью-Йоркѣ не было; Куперъ ходитъ къ учителю и платитъ ему деньги за свое обученіе грамотѣ, письму и всему, что ему хочется узнать. На все хватаетъ у него времени. Мало того, работая на фабрикахъ, онъ присматривается къ машинамъ, къ ихъ устройству и самъ придумываетъ очень полезную машину для стрижки шерсти; за это изобрѣтеніе онъ получаетъ первыя большія деньги, которыя и посылаетъ матери. Сдѣлавшись семейнымъ членомъ, Куперъ еще ретивѣе принимается за работу. Сначала онъ открываетъ столярную мастерскую, потомъ бакалейную лавку, въ которой торгуетъ умѣло и честно. Скопивши небольшой капиталъ, онъ покупаетъ полуразвалившуюся фабрику клея, приводитъ ее въ порядокъ, работаетъ на ней съ нѣсколькими рабочими, дѣлаетъ опыты для производства лучшаго и дешеваго клея и добивается того, что его клей подучаетъ извѣстность. На фабрикѣ онъ и хозяинъ, и рабочій, и конторщикъ: онъ и огонь разводитъ, и клей варитъ, и самъ развозитъ его покупателямъ, самъ ведетъ счетныя книги.

Посреди этой усиленной работы для добыванія куска хлѣба въ Куперѣ идетъ постоянная работа мысли. Онъ ясно видитъ, какъ нужно каждому человѣку образованіе, какъ безпомощны люди, вслѣдствіе ихъ темноты и невѣжества, и онъ глубоко задумывается надъ этимъ вопросомъ. Жизнь его проходила среди бѣдныхъ, необразованныхъ рабочихъ, для которыхъ школа часто была только свѣтлой мечтой; въ дѣтствѣ мѣшала нужда, въ зрѣломъ возрастѣ недосугъ и та же нужда; да и школы такихъ, гдѣ бы принимали взрослыхъ, не было. И обрекала жизнь на вѣчное невѣжество цѣлая масса людей способныхъ, умныхъ, часто даровитыхъ. Тѣ изъ нихъ, которые научились грамотѣ въ дѣтствѣ, такъ и оставались на одной точкѣ: одна грамота не много еще даетъ человѣку, если онъ не можетъ учиться дальше, читать книги, газеты. И вотъ въ голову Купера крѣпко засѣла мысль устроить такую школу, въ которой всякій мало-мальски грамотный человѣкъ могъ бы учиться дальше, могъ бы выбрать, что ему болѣе интересно, могъ бы даромъ читать всевозможныя книги и газеты. Мысль эта пришла въ голову молодому Куперу, когда онъ былъ еще бѣднымъ рабочимъ. Часто, кончивъ тяжелый дневной трудъ, стоялъ онъ въ задумчивости у двери своего жилища, смотрѣлъ вдаль своими умными темными глазами и мысленно спрашивалъ себя, какъ помочь горю, этой темнотѣ, этому невѣжеству бѣднаго люда.

Прошло много лѣтъ. Молодой рабочій-труженикъ сдѣлался миллионеромъ: у него свои заводы, свои каменноугольныя копи; онъ устраиваетъ первый въ Америкѣ локомотивъ, проводитъ желѣзную дорогу, прокладываетъ подводный телеграфъ черезъ океанъ. Имя Купера стало извѣстно въ цѣлой Америкѣ: безъ всякаго вѣся, по одному его слову, каждый охотно доверялъ ему деньги. Но, сдѣлавшись миллионеромъ, онъ не забылъ того времени, когда ему приходилось биться изъ-за куска хлѣба; человѣческая нужда, человѣческое горе находили въ немъ горячее сочувствіе. Наступаютъ въ Америкѣ тяжелые годы безработицы — Куперъ даетъ деньги всѣмъ, приходящимъ къ нему за помощью. Цѣлая три

зимы продолжалась такая выдача денег, и кабинет Купера ежедневно был переполнен рабочими, которым он сам выдал просимую сумму. „Я не могу забыть, что значить голод“, говорит он тем, которые упрекают его, что, раздавая всем без разбора, он приносит вред, поощряет лень. Железный завод Купера, расширяя свои дела, приносит ему огромные барыши. Купер чувствует, что несправедливо наживаться на таком нужном для всех предмете, как железо; он не хочет получать свои барыши с бедняков и спускает цену железа, делая его еще доступнее.

Не забыть Купер и своей юношеской мечты — внести свет знания в темную массу рабочего люда. Через всю свою долгую жизнь пронес он эту заветную мечту и добился осуществления ее. Много труда, энергии, много работы мысли надо было положить на это дело. Купер долго и серьезно обдумывал его, читал книги, учился, осматривал разные школы, советовался со знающими людьми. И он добился своего, не даром была у него светлая голова, человеческое сердце и твердая воля. Неподалеку от Нью-Йорка продавался большой участок земли, целый квартал. Купер купил его. На этом участке в 1854 г. происходила закладка здания. Куперу в это время было более 60 лет. Через несколько лет здесь выросло огромное семи-этажное здание. „Бесплатная вечерняя школа для взрослых мужчин и женщин“ гласила надпись на главном фасаде. Здание построено по плану самого Купера; все железные части постройки выделаны на его заводах, работа шла под его постоянным наблюдением, и все обзаведение школы обошлось ему в 700.000 долларов (более миллиона рублей).

Когда школа открылась, в ее стенах сошлись самые разнообразные люди: и простой рабочий с мозолистыми руками, и учитель городской школы, и негр, и белый, и молоденькая швея, и старый кузнец, и пожилая мать семейства. Всем одинаково гостеприимно открывались свои двери огромное семиэтажное здание,

всѣ находятъ здѣсь то, что имъ нужно: кто слушаетъ урокъ исторіи, географіи, кто рисуетъ, кто дѣлаетъ опытъ въ физическомъ кабинетѣ, кто совершенствуется въ чтеніи и письмѣ. Обученіе въ школѣ бесплатное. Опытные учителя умѣло руководятъ занятіями, примѣняясь къ развитію своихъ слушателей. Огромная бібліотека, составленная изъ всевозможныхъ книгъ, журналовъ, газетъ, даетъ богатую пищу для ума и сердца. Занятія происходятъ вечеромъ, — самое удобное время для трудящагося люда; принимаютъ въ школу всѣхъ, не моложе 15-лѣтняго возраста, лишь бы была охота.

Куперъ осуществилъ мечту своей жизни. Когда онъ умеръ 90-лѣтнимъ старикомъ, городъ одѣлся въ трауръ, флаги были опущены, и многотысячная толпа въ безмолвіи проводила его въ вѣчное жилище.

„Помогай себѣ самъ“, говоритъ американская поговорка. Куперъ самъ добился всего; неустаннымъ трудомъ и силою непреклонной воли пробилъ онъ себѣ дорогу въ жизни, но, помогая себѣ, онъ помогалъ и другимъ. Онъ не забылъ своего долга, долга каждого честнаго человѣка — работать для людей-братьевъ. Памятникомъ этого осталась его школа для взрослыхъ. Тысячами огней горитъ по вечерамъ огромное семизэтажное зданіе; свѣтлой точкой въ жизни темнаго люда сіяетъ эта школа, мысль о которой впервые родилась въ головѣ простаго бѣдняка рабочаго.

Щука и котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,

А сапоги точать пирожникъ:

И дѣло не пойдетъ на ладъ;

Да и примѣчено стократъ,

Что кто за ремесло чужое браться любить,

Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:

Онъ лучше дѣло все погубитъ

И радъ скорѣй

Посмѣшищемъ стать свѣта,

Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошацье приняться ремесло.

Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ;

Но только вздумала она кота просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,

Мышей въ амбарѣ половить.

„Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу? —

Сталь щукѣ Васька говорить. —

„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

Не даромъ говорится,

Что дѣло мастера боится“.

— И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышней!

Мы лавливали и ершей.

— „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“ Пошли, засѣли.

Натѣшился, набѣлся котъ

И кумушку провѣдать онъ идетъ;

А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,

И крысы хвостъ у ней отѣли.

Тутъ, видя, что кумѣ совѣтъ не въ силу трудъ,

Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, щука,

Тебѣ наука:

Впередъ умнѣ быть

И за мышами не ходить.

Крыловъ.

С м е р т ь.

Мы пробирались на мѣсто рубки, какъ вдругъ, вслѣдъ
за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ,
и черезъ нѣсколько мгновений намъ навстрѣчу изъ чащи
выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? Куда ты бѣжишь? — спросилъ его
Ардalionъ Михайловичъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайловичъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?.. Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясенъ рубить, а онъ стоитъ да смотреть... Стоялъ-стоялъ, да и поиди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясенъ затрещить да прямо на него. Мы ему кричимъ: бѣги, бѣги, бѣги!.. Ему бы въ сторону броситься, а онъ возьми да прямо и побѣги... заробѣлъ, знать. Ясенъ-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился, — Господь его знаетъ... Развѣ сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ. Да что, ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лѣкаремъ.

Ардаліонъ Михайловичъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ, на ссѣчки... Я за нимъ.

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу; грудь поднималась неровно; онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайловича.

— Батюшка, — заговорилъ онъ едва внятно, — за попомъ... послать... прикажите... Господь... меня накажать... ноги, руки—все перебито... Сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребятъ-то не распустилъ...

Онъ молчалъ. Дыханіе ему спирало.

— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ.

— Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ, — заговорилъ мой сосѣдь. — Можетъ быть, ты еще и не умрешь.

Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, — глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли. — Прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустилсѣ опять.

Нельзя же ему, однако, тутъ умирать! — воскликнулъ Ардаліонъ Михайловичъ. — Ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесите его въ больницу.

Человѣка два бросились къ телѣгѣ.

— Я у Ефима... Сычовскаго... — залепеталъ умирающій, — лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть на рогожку... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился...

— Умеръ, — пробормотали мужики.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состояніе его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто.

Тургеневъ.

Смерть дерева.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, неосвѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревъ или шелеста на землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. И снова послышался звукъ, и равномерно сталъ повторяться внизу,

около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала; сочные листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше; сочные бѣлыя щепки летѣли на росистую траву. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось, быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновенье все затихло, но снова погнулось дерево; послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и опустивъ вѣтви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ; роса, блестя, заиграла по зелени; прозрачныя, побѣлѣвшія тучки, спѣша разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозирянные, щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались въ вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

Л. Толстой.

А Н Г Е Л Ъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

* * *

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,

О Богъ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

* * *

Онъ душу младую въ объятіяхъ несеъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

* * *

И долго на свѣтѣ томилаcь она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Дерматовъ.

Спасеніе погибавшаго.

Зимою, около Крещенія, въ Петербургѣ была сильная оттепель; совсѣмъ какъ будто веснѣ быть: снѣгъ таялъ, съ крышъ падали днемъ капли, а ледъ на рѣкахъ посинѣлъ и взялся водой. На Невѣ, передъ самымъ Зимнимъ дворцомъ, стояли глубокія полыньи. Вѣтеръ дулъ теплый, западный, но очень сильный; со взморья нагоняло воду и стрѣляли пушки.

Караулъ во дворцѣ занимала рота измайловскаго полка. Отъ дворцоваго караула не требовалось ничего, кромѣ точнаго стоянія на постахъ. Часовой, солдатъ измайловскаго полка, по фамиліи Постниковъ, стоя на часахъ, услыхалъ, что въ полыньѣ, которою противъ этого мѣста покрылась Нева, заливается человѣкъ и отчаянно молить о помощи.

Солдатъ Постниковъ, изъ дворовыхъ господскихъ людей, былъ человѣкъ очень нервный и очень чувствительный. Онъ долго слушалъ отдаленные крики и стоны утопающаго и приходилъ отъ нихъ въ оцѣпенѣніе. Въ ужасѣ онъ оглядывался туда и сюда на все видимое ему пространство набережной и ни здѣсь, ни на Невѣ, какъ на зло, не усматривалъ ни одной живой души.

Подать помощь утопающему никто не может, и онъ непременно заляется...

А между тѣмъ, тонущій ужасно долго и упорно борется.

Ужъ одно бы ему, кажется, — не трата силъ, спуститься на дно, такъ вѣдь нѣтъ! Его изнеможенные стоны и призывные крики то оборвутся и замолкнутъ, то опять начинаютъ раздаваться и притомъ все ближе и ближе къ дворцовой набережной. Видно, что человѣкъ еще не потерялся и держитъ путь вѣрно, прямо на свѣтъ фанарей; но только онъ, разумѣется, все-таки не спасется, потому что именно тутъ, на этомъ пути, онъ попадетъ въ прорубь. Тамъ ему нырокъ подъ ледъ — и конецъ... Вотъ и опять стихъ, а черезъ минуту снова полощется и стонетъ: „Спасите, спасите!“ И теперь уже такъ близко, что даже слышны всплески воды, какъ онъ полощется...

Солдатъ Постниковъ сталъ соображать, что спасти этого человѣка чрезвычайно легко. Если теперь сбѣжать на ледъ, то тонущій непременно тутъ же и есть. Бросить ему веревку, или протянуть шестикъ, или подать ружье, и онъ спасенъ. Онъ такъ близко, что можетъ схватиться рукой и выскочить. Но Постниковъ помнить и службу и присягу; онъ знаетъ, что онъ часовой, а часовой ни за что и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣетъ покинуть своей будки.

Съ другой же стороны, сердце у Постникова очень непокорное: такъ и ноетъ, такъ и стучить, такъ и замираетъ... Хоть вырви его да самъ себѣ подъ ноги брось, — такъ безпокойно съ нимъ дѣлается отъ этихъ стоновъ и воплей... Страшно вѣдь слышать, какъ другой человѣкъ погибаетъ, и не подать этому погибающему помощи, когда, собственно говоря, къ тому есть полная возможность, потому что будка съ мѣста не убѣжить и ничто иное вредное не случится. „Иль сбѣжать! А?.. Не увидятъ?.. Ахъ, Господи, одинъ бы конецъ! Опять стонетъ“...

За одинъ получасъ, пока это длилось, солдатъ Постниковъ совсѣмъ истерзался сердцемъ и сталъ ощущать

„сомнѣнія разсудка“. А солдатъ онъ былъ умный и исправный, съ разсудкомъ яснымъ и отлично понималъ, что оставить свой постъ есть такая вина со стороны часового, за которую сейчасъ же послѣдуетъ военный судъ, а потомъ гонка сквозь строй шпигъ-рутенами и каторжная работа, а можетъ-быть, даже и „разстрѣлъ“.

Но со стороны вздувшейся рѣки опять наплываютъ все ближе и ближе стоны, и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье.

— Т-о-о-ну!.. Спасите, тону!

Тутъ вотъ сейчасъ и есть прорубь... Конецъ!

Постниковъ еще разъ оглянулся во всѣ стороны. Нигдѣ ни души нѣтъ, только фонари трясутся отъ вѣтра и мерцаютъ, да по вѣтру, прерываясь, долетаетъ этотъ крикъ... можетъ-быть, послѣдній крикъ...

Вотъ еще всплескъ, еще однозвучный вопль, и въ водѣ забулькотало.

Часовой не выдержалъ и покинулъ свой постъ.

Постниковъ бросился къ сходямъ, сбѣжалъ съ сильно бьющимся сердцемъ на ледъ, потомъ въ наплывшую воду полыньи и, скоро разсмотрѣвъ, гдѣ бьется заливающийся утопленникъ, протянулъ ему ложу своего ружья.

Утопавшій схватился за прикладъ, а Постниковъ потянулъ его за штыкъ и вытащилъ на берегъ.

Льсковъ.

Демьянова уха.

Сосѣдушка, мой свѣтъ!

Пожалуйста, покушай. —

„Сосѣдушка, я сытъ по горло. — „Нужды нѣтъ,

Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!“

„Я три тарелки съѣлъ“. — И, полно, что за счеты;

Лишь стало бы охоты,

А то за здравье: ѣшь до дна!

Что за уха! Да какъ жирна:

Какъ будто янтарею подернулась она.

Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лешикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хотъ ложечку! Да кланяйся, жена!—
Такъ потчеваль сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не даваль ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же, еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. — Вотъ друга я люблю!—
Вскричалъ Демьянъ. — Зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!—
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Крыловъ.

Пасторъ Оберлейнъ.

Въ горахъ между нѣмецкимъ и французскимъ государствами лежитъ страна подъ названіемъ Эльзасъ. Теперь страна эта принадлежитъ нѣмцамъ; раньше ею владѣли французы. Въ Эльзасѣ есть мѣстечко Вальдбахъ. Тамъ, въ небольшой церкви, стоитъ простой памятникъ; на немъ изображенъ во весь ростъ пожилой человѣкъ съ добрымъ лицомъ, въ одеждѣ сельскаго священника. Тутъ же, въ церкви, склепъ, и на могильной плитѣ начертаны слова: „Здѣсь покоится прахъ Іоганна Оберлейна, пастора Вальдбаха. 59 лѣтъ онъ былъ отцомъ всѣхъ прихожанъ. Онъ будетъ сіять въ памяти людей вовѣки, какъ звѣзда на небѣ“.

70 лѣтъ прошло со дня смерти скромнаго священника, а жители Вальдбаха и всѣхъ окрестныхъ деревень не забыли этого имени. Все кругомъ, на что ни поглядишь, создано трудомъ и усиліями этого человѣка. Оберлейнъ пріѣхаль въ свой приходъ молодымъ священникомъ; онъ нашель приходъ въ ужасномъ со-

стояніи: бесплодныя, запущенныя поля, недостатокъ въ пропитаніи, убогія лачуги, вмѣсто домовъ, тощій скотъ. А сами люди — унылые, оборванные, голодные, ожесточенные, грубые и темные; они смотрѣли недобѣрчиво, готовы были на всякое насиліе и жестокость. Ни больницы, ни школы, ни книгъ не было въ деревнѣ, не было и грамотныхъ людей; больше всего было нищихъ, которые ходили по дорогамъ и выпрашивали милостыню. Въ этотъ-то бѣдный и заброшенный приходъ и пріѣхалъ Оберлейнъ, прожилъ здѣсь 59 лѣтъ и всею своею жизнью, своимъ примѣромъ доказалъ, какъ много добра можетъ сдѣлать одинъ человекъ, если только онъ сердечно, горячо любитъ людей. Безъ денегъ, безъ вліятельныхъ друзей, безъ помощниковъ началъ свое дѣло деревенскій священникъ; одна только преданная жена его дѣлила съ нимъ труды и надежды. И, шагъ за шагомъ, медленно и упорно началъ онъ работать на пользу ближняго.

Прежде всего онъ постарался пріобрѣсти любовь и довѣріе окружавшихъ его людей: помогалъ бѣднымъ, навѣщалъ больныхъ, утѣшалъ несчастныхъ, мирилъ ссорившихся. И днемъ, и ночью, всегда по первому зову шелъ онъ къ больному, чтобы сказать ему послѣднее слово утѣшенія. На своей маленькой привычной лошаdkѣ по скалистой дорогѣ, между горъ и пропастей, ѣздилъ онъ изъ деревни въ деревню и вездѣ старался быть полезнымъ, чѣмъ могъ. Заботила его страшная бѣдность его прихожанъ. Утѣшеніемъ, добрымъ словомъ и лаской не поможешь этому горю, и Оберлейнъ сталъ думать, какъ бы помочь этимъ людямъ не словомъ, а дѣломъ. Прежде всего надо было подумать о школѣ: безъ ученія, безъ книгъ, живя въ невѣжествѣ, люди не справятся со своими невзгодами. И Оберлейнъ заводитъ сначала одну школу, которую содержитъ на свои скромныя средства; потомъ уже сами жители устраиваютъ такія же школы въ другихъ деревняхъ. Въ школахъ этихъ учатся и дѣти, и взрослые, даже матери семействъ приходятъ туда. Явились грамотные люди — можно дать имъ книгу, газету, они могутъ узнать, что дѣлается на свѣтѣ,

какъ живутъ другіе люди; и Оберлейнъ покупаетъ книгъ и раздаетъ ихъ желающимъ, заводитъ и цѣлую бібліотеку. Изъ книгъ и газетъ прихожане узнаютъ, что есть на свѣтѣ полезныя растенія, которые они не разводятъ, полезныя орудія для обработки земли, которыхъ они не видали; узнаютъ, что есть средства истребить вреднаго жука, который поѣдаетъ хлѣбъ, что можно развести садъ и привить плодовые деревья, что можно исправить истощенную землю и добиться отъ нея урожая. Конечно, прочесть книгу и повѣрить ей — не одно и то же. Оберлейнъ это зналъ и потому хотѣлъ на примѣрѣ показать людямъ, какъ можно воспользоваться указаніями хорошихъ книгъ. Онъ самъ завелъ у себя плодовой садъ, привилъ деревья и каждому желающему давалъ пробовать вкусные плоды, которые за хорошую цѣну сбывалъ въ городѣ. Онъ самъ завелъ огородъ, выписалъ сѣмена, насадилъ овощи, и сосѣди только дивились, какая огромная капуста и сочная морковь родились на его грядкахъ. Картофель въ то время плохо родился, но Оберлейнъ выписалъ новыхъ сѣмянъ, удобрилъ почву, научилъ тому же сосѣдей — и картофель сталъ хорошо родиться. Выписалъ также Оберлейнъ сѣмянъ клевера и научилъ сѣять его; научилъ, какъ удобрять почву, какъ разводить и обрабатывать ленъ. Не сразу, конечно, не безъ недовѣрія и не безъ насмѣшекъ принимали прихожане его совѣты, а все-таки мало-по-малу стало улучшаться крестьянское хозяйство: многое хорошее перенимали крестьяне у пастора. Фруктовые сады стали давать доходъ; картофель и овощи сдѣлали пищу разнообразіе; удобренная земля давала лучшій урожай; сытый скотъ давалъ больше молока.

Но Оберлейнъ не хотѣлъ, чтобы каждый думалъ только о своемъ хозяйствѣ, работалъ только для своего дома. Хотѣлъ онъ показать людямъ, что работать можно и сообща, что работа эта не трудная и что она нужна для всѣхъ. Въ его приходѣ была только одна дорога до города — неудобная, изрытая; уставали лошади, ломались телеги, запаздывали люди до дѣламъ, а иногда и вовсе не было проѣзда. Дорога была неудобная для

всякаго, но кто же станетъ ее чинить? Съ какой стати одному чинить, когда всѣ ѣздятъ? Да и починить ли въ одиночку дорогу въ нѣсколько верстъ? И уговорилъ Оберлейнъ всѣхъ прихожанъ принять участіе въ этой работѣ; самъ онъ пришелъ первый съ лопатой и ломомъ, за нимъ и другіе. На долю каждого пришлось не слишкомъ много труда: кто привозилъ землю, кто зарывалъ камни, кто рылъ канаву, чинилъ мостъ — и черезъ нѣсколько времени гладкая и ровная дорога была готова. Выгоду такой дороги оцѣнили всѣ жители; оцѣнили они также и выгоду общей дружной работы для всѣхъ вмѣстѣ и для каждого въ отдѣльности.

Такъ, мало-по-малу и поправлялись дѣла въ вальдбахскомъ приходѣ. Нищихъ совсѣмъ не стало, потому что больше стало работы въ селахъ. Кромѣ земледѣльческаго труда, Оберлейнъ обратилъ вниманіе и на ремесла: выписалъ мастеровъ и завелъ мастерскія, въ которыхъ могли учиться желающіе, а потомъ работать на весь округъ; завелъ онъ также аптеку, больницу, сберегательную кассу. Совсѣмъ преобразился вальдбахскій приходъ. Въ деревняхъ школы, бібліотеки, аптеки, больницы, пріюты для маленькихъ дѣтей. И на всѣ эти дѣла прихожане жертвуютъ и деньги, и трудъ свой, зная уже по опыту, какъ полезна общая помощь. Переимѣнились и сами прихожане: они привыкли упорно трудиться и добились улучшенія своей участи, они повѣрили въ силу знанія и научились цѣнить книгу, просвѣщеніе. Научились они понимать и значеніе общаго дружнаго труда на общую пользу, не забыли они и труда одного человѣка для всѣхъ, труда не изъ-за выгоды или пользы, а, по словамъ евангелія: „Душу свою положить за други своя“. Такой примѣръ былъ у нихъ передъ глазами въ лицѣ скромнаго деревенскаго священника, который 59 лѣтъ жилъ съ ними, училъ ихъ, работалъ для нихъ.

Иоганнъ Оберлейнъ умеръ 86 ти лѣтъ; прихожане оплакивали его искренними слезами. Память скромнаго труженика и теперь живетъ среди жителей округа;

имя его и теперь повторяется съ умиленіемъ; на статую его въ церкви матери указываютъ дѣтямъ, и дѣти растутъ и научаются уважать память человѣка, который всю жизнь прожилъ для другихъ. И его имя, такъ написано на его могильной доскѣ, сіяетъ въ памяти людей, „какъ звѣзда на небѣ“.

Водопадъ и ручей.

Кинящій водопадъ, свергаясь со скаль,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лѣчебною своею):
„Не странно-ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Немудрено, коль мнѣ приходится кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идуть?“—Лѣчиться.—
Смиренно прожурчалъ ручей.

Крыловъ.

Парусъ.

Бѣлѣтъ парусъ одинокій	Увы!—онъ счастья не ищетъ
Въ туманѣ моря голубомъ...	И не отъ счастья бѣжить.
Что ищетъ онъ въ странѣ	
далекой?	Подъ нимъ струя свѣт-
Что кинулъ онъ въ краю	лѣй лазури,
родномъ?	Надъ нимъ лучъ солнца зол-
	лотой;
Играютъ волны; вѣтеръ	А онъ, мятежный, проситъ
свищетъ,	бури,
И мачта гнется и скри-	Какъ будто въ буряхъ есть
питъ...	покой!

Лермонтовъ.

Орелъ въ неволѣ.

Проживалъ у насъ нѣкоторое время въ острогѣ орелъ изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и разѣвалъ свой горбатый носъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромая, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальнѣй конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ (имя собаки) кидался на него съ яростью, но, видимо, боялся подступить ближе, что очень потѣшало арестантовъ. „Звѣрь! — говорили они, — не дается!“ Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ, когда натравливали, изловчился хватать его за больное крыло. Орелъ защищался изо всѣхъ силъ когтями и клювомъ и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ, всѣмъ онъ наскучилъ, всѣ его бросили, и, однакожь, каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль палъ, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромая и прискакивая,

спѣшили на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, оцетинившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотреть мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ взглядомъ.

Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ и, хоть никто не заботился и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла.

— Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ, — говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не приучишь къ острогу-то! — поддакивали другіе.

— Знать, онъ не такъ, какъ мы! — прибавилъ кто-то.

— Вишь сморозилъ: то птица, а мы, значить, чelовѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ...

Разъ, послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала: чelовѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орелъ. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

— Ишь, добро ему творишь, а онъ все кусается! — говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпущай его, Микитка!

— Ему волю подавай, заправскую волю-волошку.

Орла сбросили съ вала въ степь. Это было глубокою осенью въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая большимъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ, куда глаза глядятъ. Арестанты съ

любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его! — задумчиво проговорить одинъ.

— И не оглянется! — прибавилъ другой.

— Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжить себѣ!

— А ты думалъ благодарить воротится? — замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло — воля. Волю почуваль.

— Слобода, значить.

— И не видать ужъ, братцы...

— Чего стоять-то? Маршъ! — закричали конвойные, и всѣ, молча, поплелись на работу.

Достоевскій.

В а с и л е к ъ.

Въ глуши расцвѣтшій василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины

И, голову склоня на стебелекъ,

Уныло ждалъ своей кончины;

Зефиру, между тѣмъ, онъ жалобно шепталъ:

„Ахъ, если бы скорѣе день насталь,

И солнце красное поля здѣсь освѣтило:

Быть-можетъ, и меня оно бы оживило!“

— Ужъ какъ ты простъ, мой другъ! —

Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ —
Неужли солнышку лишь только и заботы,

Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,

И вянешь ты или цвѣтешь?

Повѣрь, что у него ни время, ни охоты

На это нѣтъ.

Когда бы ты леталь, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,

То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы

Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:

Оно своею теплотой

Огромные дубы и кедры согрѣваетъ

И удивительною красотой

Цвѣты душистые богато убираетъ;

Да только тѣ цвѣты

Совѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, косить;
А ты не пышешь, не пахучь,
Такъ солнца ты своей доукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не бросить,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!“

Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству флорину разсыпало лучи,
И бѣдный василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

Крыловъ.

П а я ц ѣ.

Я знавалъ одного паяца: публика встрѣчала радостными криками его появленіе; каждое изъ его комическихъ движеній заставляло хохотать всѣхъ, и, однако, ни одна изъ его выходокъ не обдумывалась имъ предварительно: все это совершенно естественныя проявленія его характера и природы. Еще въ дѣтствѣ, играя съ другими дѣтьми, онъ уже служилъ для нихъ паяцомъ; сама природа предназначала его для этого ремесла; она украсила его однимъ горбомъ на спинѣ и другимъ на груди, между тѣмъ, какъ душа его была богато одарена. Рѣдко кто обладалъ такимъ глубокимъ чувствомъ, такой отзывчивостью, какъ онъ. Душа его жила для всего высокаго, героическаго, и за все тѣмъ ему выпало на долю сдѣлаться паяцомъ. Даже горе и грусть, проглядывавшія въ рѣзкихъ чертахъ его лица, увеличивали комическое выраженіе послѣдняго и усиливали веселый смѣхъ въ многочисленной публикѣ, всегда аплодировавшей своему любимцу. Изыщная Коломбина, которая играла вмѣстѣ съ нимъ въ циркѣ, правда, была очень добра и любезна съ нимъ, но предпочла все-таки выйти замужъ за Арлекина.

Когда паяцу было грустно, одна Коломбина умѣла вызвать на его лицѣ улыбку, а подчасъ и заставить

хохотать; сперва она выражала сочувствіе его грусти, потомъ успокоивала его и, наконецъ, успѣвала совсѣмъ развеселить. „Я хорошо знаю, что васъ мучить, — говорила она ему: — васъ мучить любовь, и предметъ вашей страсти — я!“ Подобныя вещи можно говорить только тогда, когда въ дѣйствительности убѣжденъ, что о нихъ не можетъ быть и рѣчи. Паяцъ смѣялся, совершалъ скачокъ и забывалъ всякую печаль. И, однако, Коломбина говорила истину: паяцъ любилъ ее. Въ тотъ день, когда вѣнчалась Коломбина, паяцъ былъ самымъ веселымъ изъ ея гостей, но вечеромъ онъ много плакалъ; дружно и громко аплодировала бы публика, если бы увидала его лицо, съжившееся и сморщившееся отъ страданія.

На этихъ дняхъ Коломбина умерла; въ день ея погребенія Арлекинъ не появлялся на подмосткахъ — его освободили на этотъ разъ, потому что онъ все же былъ въ нѣкоторомъ родѣ неутѣшный вдовецъ. Однако, директору нужно было поставить самую развеселую пьесу, чтобы публика не замѣтила отсутствія граціозной Коломбины и ловкаго Арлекина; паяцу пришлось отдуваться за всѣхъ и вдвойнѣ веселить зрителей. И съ отчаяніемъ на сердцѣ онъ плясалъ и прыгалъ... Публика аплодировала и неистово кричала: браво! брависсимо! Паяца вызывали несчетное число разъ. О, онъ былъ безподобенъ!

Вчера вечеромъ маленькій уродъ отправился за городъ къ пустынному кладбищу. Вѣнокъ цвѣтовъ, повѣшенный на могилѣ Коломбины, уже завялъ; паяцъ присѣлъ на гробницѣ. То была поистинѣ странная картина; онъ оперся головой на руки и устремилъ глаза на луну. Этотъ паяцъ здѣсь, на могилѣ, казался какимъ-то надгробнымъ изваяніемъ, мрачнымъ, страннымъ и вмѣстѣ смѣшнымъ. Если бы публика увидала тутъ своего любимца, ему, конечно, восторженно закричали бы: „браво, паяцъ, браво, брависсимо!“

Андерсенъ.

С и р о т к а.

На могилѣ твоей, ахъ, родная моя,
На пролетъ всю-то ночь проплакала я,
И вотъ нынче въ потемкахъ опять,
Какъ въ избѣ улеглись, и на небѣ звѣзда
Загорѣлась, бѣгомъ я бѣжала сюда,
Чтобъ меня не могли удержать.

Здѣсь, родная, частенько я вижусь съ тобой
И отсюда теперъ (пусть приходятъ за мной)
Ни за что не пойду... Для чего?
Я лежу въ колыбелькѣ... такъ сладко надъ ней
Чей-то голосъ поетъ, что и самъ соловей
Не напомнимъ мнѣ звуковъ его.

И родная такъ тихо ласкаетъ меня...
Разъ заснула она среди бѣлаго дня...
И чужіе стояли кругомъ:
На меня съ сожалѣньемъ смотрѣли они;
А когда меня къ ней на рукахъ поднесли,
Я рыдала, не зная о чемъ.

И одѣли ее и сюда привезли,
И заплѣли протяжно и глухо дѣячки
„Со святыми ее упокой“...
Я прижалась отъ страха... не смѣла взглянуть...
И зарыли въ могилу ее... и на грудь
Положили ей камень большой.

И потомъ воротились... Съ тѣхъ поръ веселѣй
Ужъ никто не пѣвалъ надъ постелью моей.
Одинокой осталася я.
А что послѣ, не помню... нѣтъ, помню: въ избѣ
Жилъ какой-то старикъ... горевалъ о тебѣ,
Да бивалъ понапрасну меня.

Но потомъ и его ужъ не стало... тогда
Я сироткой бездомной была названа;
Я живу у чужихъ на бѣду:

И ругаютъ меня, и въ осенніе дни,
Какъ на печкахъ лежатъ и толкуютъ они,
За гусями я въ поле иду.

Охъ, родная, могила твоя холодна...
Но людского участія теплѣе она:
Здѣсь могу я свободно дышать;
Здѣсь не люди стоятъ, а деревья одни;
И усмѣшкою злой не смѣются они,
Какъ начну о тебѣ тосковать.

Сиротою не будутъ глумиться, какъ тѣ;
Нѣтъ, они будто стонутъ въ ночной темнотѣ,
Все кругомъ будто плачетъ со мной,
И такъ пасмурно туча на небѣ виситъ,
И такъ жалобно вѣтеръ листьями шумитъ
Да поетъ мнѣ про пѣсни родной.

Апухтинъ.

Разсвѣтъ весной.

Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На темно-сѣромъ небѣ кое-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и шеголевато переступаютъ ногами; пара только что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходить. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга... Вы ѣдете — ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину... Прудъ едва начинаетъ дышаться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлетъ. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но, вотъ, вы отѣхали версты четыре... Край неба алѣ-

еть; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдовъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горять лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ, заря разгорается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ, предразсвѣтный вѣтеръ подулъ, — и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня, вонъ подалеже другая, съ бѣлой церковью; вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете... Живѣ, кони, живѣ! Крупной рысью впередъ!.. Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто... Погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ намъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору... Какой видъ! Рѣка вьется верстѣ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ выются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухъ, ясно выступаетъ даль... не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышитъ грудь, какъ быстро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь чело-вѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханьемъ весны!..

Тургеневъ.

Зимнее утро.

Вечоръ, ты помнишь, вьюга	Великолѣпными коврами,
злилась;	Блестя на солнцѣ, снѣгъ
На мутномъ небѣ мгла но-	лежитъ;
силась;	Прозрачный лѣсъ одинъ
Луна, какъ блѣдное пятно,	чернѣетъ,
Сквозь облака едва смо-	И ель сквозь иней зеле-
трѣла...	нѣетъ,
А нынче—посмотри въ ок-	И рѣчка подо льдомъ бле-
но!	ститъ.
Подъ голубыми небесами.	<i>Пушкинъ.</i>

Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили,

Какъ видно, напоказъ.

Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;

Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.

Отколѣ ни возмись, навстрѣчу моська имъ.

Увидѣвши слона, ну на него метаться

И лаять, и визжать, и рваться;

Ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.

„Сосѣдка, перестань срамиться, —

Ей шавка говорить: — тебѣ ль съ слономъ возиться?

Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ

Впередъ

И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ „

— Эхъ, эхъ! — ей моська отвѣчаетъ. —

Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,

Что я, совсѣмъ безъ драки,

Могу попастьъ въ большіе забіяки.

Пуškai же говорятъ собаки:

„Ай, моська! знать, она сильна,

Что лаеъ на слона!“

Крыловъ.

Домоносоеъ.

Скоро ты узнаешь въ школѣ,

Какъ архангельскій мужикъ

По своей и Божьей волѣ

Сталъ разуменъ и великъ.

Некрасовъ.

Взгляните на карту Россіи. Вотъ на сѣверѣ, приле-
гая къ Бѣлому морю, лежитъ Архангельская губернія.
Рѣка Двина, большая и судоходная, пересѣкаетъ ее и
несетъ свои воды въ Бѣлое море. Чѣмъ ближе къ морю,
тѣмъ Двина все больше ширится, раздѣляется на ру-
кава; между рукавами образуются большіе и малые
острова. Одинъ изъ такихъ острововъ, по прозванію
Куроостровъ, лежитъ неподалеку отъ берега, въ виду

города Холмогоръ. Есть на этомъ островкѣ деревня Денисовка. Здѣсь, въ семьѣ крестьянина-рыболова, 185 лѣтъ тому назадъ, родился Михайль Ломоносовъ, — человекъ, которымъ, по справедливости, гордится вся Россія.

Неприглядна была родина Ломоносова. Безконечно долго тянулась холодная, суровая зима съ метелями, вьюгами, буранами; быстро пролетало короткое лѣто. Но и лѣтомъ не радовала взоръ печальная природа: на далекое пространство тянулись топкія болота, покрытыя

Ломоносовъ.

мхомъ; кое-гдѣ торчали тощія, кривыя березки, да низкій ивнякъ разросся по берегамъ рѣки... Скучная картина, не на чемъ отдохнуть взору... Но некогда скучать жителямъ приморскихъ деревушекъ: море даетъ имъ много дѣла. Рыбные и соляные промыслы, судоходство, нагрузка и выгрузка судовъ, которыми издалека приходятъ къ устьямъ

Двины, — тысячи рукъ заняты работой. Отецъ Ломоносова жилъ тѣмъ же промысломъ; у него было свое судно, и онъ нерѣдко бралъ съ собой въ море сына. Любилъ мальчикъ эти поѣздки и всею душою привязался къ морю. То любовался онъ чудной картиной сѣвернаго сіянія, то вмѣстѣ съ отцомъ ловко направлялъ судно между ледяными горами, грозившими затереть ихъ, то боролись они не на жизнь, а на смерть съ разбушевавшимися волнами. Ни опасностей, ни бурь не боялся мальчикъ. Смѣлымъ, сильнымъ, выносливымъ и здоровымъ выросъ онъ къ 12-ти годамъ.

Ребенокъ по возрасту, онъ былъ почти взрослымъ по опытности: многое онъ видалъ, многое испыталъ, много думалъ. Только не удавалось ему научиться грамотѣ; въ тѣ времена было мало грамотныхъ, и часто выучиться было не у кого. Однако, учитель нашелся, — крестьянинъ той же деревни; скоро мальчикъ обогналъ своего учителя и сталъ лучшимъ чтецомъ въ цѣлой деревнѣ. Ломоносовъ страстно полюбилъ чтеніе и наизусть выучилъ тѣ книги, какія могъ достать у своихъ одноклассчанъ.

Дома ему жилось въ это время нелегко; родная мать его давно умерла, а мачиха, злая и сварливая, преслѣдовала его за любовь къ книгамъ и ссорила его съ отцомъ. Юноша уходилъ изъ дому, забивался куда нибудь въ пустой сарай и тамъ, тайкомъ отъ всѣхъ, читалъ книги и сиделся своимъ умомъ дойти до того, чего не понималъ въ нихъ: объяснить было некому. Годы шли. Ломоносову минуло 18 лѣтъ. Въ семьѣ стали подумывать о томъ, что пора и женить молодца и пристроить его къ дѣлу, а у него только и думъ въ головѣ, что о книгахъ, объ ученѣ. Слыхалъ онъ, что въ Москвѣ есть и школы, и книги, и ученые люди, и потянуло его въ Москву. Онъ ушелъ изъ дому тайкомъ: добылъ себѣ паспортъ, взялъ взаймы 3 рубля денегъ, завернулъ въ платокъ свои любимыя книги и пѣшкомъ съ студеную зиму отправился въ далекій, незнакомый путь. По дорогѣ онъ встрѣтилъ обозъ съ рыбой, присталъ къ нему и такъ добрался до Москвы. Растерялся юноша въ огромномъ многолюдномъ городѣ; ни друзей, ни знакомыхъ, ни денегъ. Однако, онъ добился, чтобы его приняли въ монастырскую школу. Нелегко было положеніе Ломоносова въ этой школѣ: ему пришлось сѣсть за одну скамью съ дѣтьми—школьниками, и тѣ поднимали его на смѣхъ, говоря: „вотъ 20 - тилѣтній болванъ пришелъ учиться латыни“, придумывали для него разныя обидныя прозвища, мѣшали ему учиться.

Тяжело приходилось Ломоносову и изъ-за нужды: своихъ денегъ у него не было, а изъ монастыря выдавали въ день всего 3 коп. на пищу, одежду и все про-

чье. Отецъ писалъ ему изъ дому, приказывалъ вернуться, грозилъ или соблазнялъ его привольнымъ житьемъ на готовомъ хлѣбѣ. Но Ломоносовъ не вернулся на родину. Способности молодого человѣка обратили на себя вниманіе преподавателей; его отправили доучиваться за границу: въ Россіи въ то время еще не было университетовъ. Заграницей Ломоносовъ занимался съ тѣмъ же жаромъ; онъ работалъ подъ руководствомъ знаменитаго тогда германскаго ученаго, изучилъ химію, физику, минералогію, изучилъ свойство рудъ, работалъ на заводахъ. Иностранные профессора изумлялись необыкновеннымъ способностямъ русскаго студента, его желѣзной волѣ, его выносливости и трудолюбію.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и Ломоносовъ вернулся въ Россію. Единственное высшее учебное заведеніе—Петербургская академія приняла его въ число префессоровъ. Въ то время въ Россіи было еще мало учебныхъ заведеній и мало ученыхъ людей. Профессоровъ для академій выписывали изъ заграницы, потому что своихъ не было; Ломоносовъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ профессоровъ. Съ пріѣзда въ Россію онъ всю свою жизнь отдаетъ на служеніе просвѣщенію родины. Въ своихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ онъ старается убѣдить каждого, что наука необходима, что знаніе, просвѣщеніе есть залогъ счастья и богатства страны.

Страстно любя науку, онъ постоянно занимается ею, дѣлаетъ наблюденія, опыты, пишетъ ученые сочиненія, переводить нужныя книги. Въ академіи онъ читаетъ лекціи студентамъ, руководить ихъ занятіями; онъ хлопотетъ объ устройствѣ перваго русскаго университета и настаиваетъ на томъ, чтобы туда допускали людей всѣхъ званій, потому что наука нужна всѣмъ одинаково. Его огорчаетъ мысль, что Россія такъ бѣдна учеными и знающими людьми; онъ мечтаетъ о томъ времени, когда всѣ будутъ грамотны, когда на всѣхъ хватить школъ, когда каждый бѣднякъ будетъ имѣть книжку, когда въ Россіи будутъ свои, а не выписанные изъ чужихъ краевъ ученые люди.

Въ промежутки между своими многочисленными учеными занятіями Ломоносовъ занимался стихотворствомъ; его стихи приводили въ восторгъ его современниковъ, потому что до него никто не умѣлъ писать такъ правильно, звучно и красиво. Ломоносовъ былъ также большимъ знатокомъ русскаго языка; онъ написалъ нѣсколько учебниковъ; его русская грамматика очень долго употреблялась въ школахъ.

Вообще, жизнь Ломоносова была сплошнымъ трудомъ; часто за своими занятіями онъ проводилъ цѣлыя ночи. Прямой, рѣзкій Ломоносовъ всегда высказывалъ свои мысли, не справляясь съ тѣмъ, понравятся ли онѣ, или нѣтъ. Никогда онъ не кривилъ душой, никогда ни передъ кѣмъ не унижался, всегда говорилъ то, что думалъ. Оттого у него было немало враговъ, которые всячески старались вредить ему. Но согнуть его было трудно: онъ прошелъ суровую школу жизни, выросъ у моря, среди опасностей и бурь, съ дѣтства привыкъ смотрѣть бѣдѣ прямо въ глаза; бороться съ нимъ было нелегко. Сказали ему какъ-то разъ, что его отставятъ отъ академіи. „Развѣ академію отъ меня отставятъ“, гордо отвѣчалъ упрямый поморянинъ, — и онъ былъ правъ, потому что онъ былъ душою академіи. До конца жизни отстаивалъ Ломоносовъ свои любимыя мысли о просвѣщеніи родины, боролся со всѣми, кто не разделялъ эти мысли. „За общую пользу и за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца родного возстать за грѣхъ не поставлю“, говорилъ онъ иногда.

Усиленные занятія, а также разныя непріятности подорвали желѣзное здоровье Ломоносова. Чувствуя приближеніе смерти, онъ жалѣлъ только о томъ, что не успѣлъ докончить того, что началъ „для пользы отечества и для приращенія наукъ“. Смерть онъ встрѣтилъ спокойно. „Я не тужу о жизни, — говорилъ онъ окружающимъ, — пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что дѣти отечества обо мнѣ пожалѣютъ“. И великій человекъ не ошибся: его имя — одно изъ дорогихъ именъ для всякаго русскаго,

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Невеселая дорога...

Эй! садись ко мнѣ, дру-
жокъ! —

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дѣло?
Это многихъ славныхъ
путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку.
Такъ, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній
грошъ.

Знаю, старая дядчиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?.. Ну,
что жъ!

Случай тоже ужъ не но-
вый —

Не робѣй, не пропадешь!
Скоро самъ узнаешь въ
школѣ,

Какъ архангельскій му-
жикъ,

По своей и Божьей во-
лѣ,

Сталъ разуменъ и великъ.
Не безъ добрыхъ душъ на
свѣтѣ,

Кто-нибудь свезетъ въ Мо-
скву,

Будешь въ университетѣ —
Сонъ свершится наяву!

Тамъ ужъ поприще ши-
роко:

Знай работай да не
трусъ...

Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь.

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ — то и
знай, —

Столько добрыхъ, благо-
родныхъ,

Сильныхъ любящей ду-
шой,

Посреди тупыхъ, холод-
ныхъ

И напыщенныхъ собой!

Некрасовъ.

В а н ь к а.

Ванька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный
три мѣсяца тому назадъ въ ученье къ сапожнику Аля-
хину, въ ночь подъ Рождество не ложился спать. До-
ждавшись, когда хозяева и подмастерья ушли къ за-

утренѣ, онѣ досталъ изъ хозяйскаго шкапа пузырекъ съ чернилами, ручку съ заржавленнымъ перомъ и, разложивъ передъ собою помятый листъ бумаги, сталъ писать. Прежде чѣмъ вывести первую букву, онѣ нѣсколько разъ пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образъ, по обѣ стороны котораго тянулись полки съ колодками, и прерывисто вздохнулъ. Бумага лежала на скамѣ, а самъ онѣ стоялъ передъ скамьею на колѣняхъ.

„Милый дѣдушка, Константинъ Макарычъ!—писать онѣ. — И пишу тебѣ письмо. Проздравляю васъ съ рождествомъ и желаю тебѣ все отъ Господа Бога. Нѣтъ у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня одинъ остался“.

Ванька перевелъ глаза на темное окно, въ которомъ мелькало отраженіе его свѣчки, и живо вообразилъ себѣ своего дѣда Константина Макарыча, служащаго ночнымъ сторожемъ у господъ Живаревыхъ. Это маленькій, тощенькій, но необыкновенно юркій и подвижной старикашка, лѣтъ 65-ти, съ вѣчно смѣющимся лицомъ и пьяными глазками. Днемъ онѣ спитъ въ людской кухнѣ или балагурить съ кухарками, ночью же, окутанный въ просторный тулупъ, ходитъ вокругъ усадьбы и стучитъ въ свою колотушку.

Теперь, навѣрное, дѣдъ стоитъ у воротъ, шуритъ глаза на ярко-красныя окна деревенской церкви и, приотпывая валенками, балагуритъ съ дворней. Колотушка его подвизана къ поясу.

Ванька вздохнулъ, обмокнулъ перо и продолжалъ писать: „А вчерась мнѣ была выволочка. Хозяинъ выволокъ меня за волосы на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребятенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня въ харю тыкать. Подмастерья надо мной насмѣхаются, посылаютъ въ кабакъ за водкой и велѣютъ красть у хозяевъ огурцы, а хозяинъ бьетъ чѣмъ попадая, а ѣды нѣту никакой. Утромъ даютъ хлѣба, въ обѣдъ каши, и въ вечеру тоже

хлѣба, а чтобъ чаю или шей, то хозяева самѣ трескають. А спать мнѣ велятъ въ сѣняхъ, а когда ребятенокъ ихній плачетъ, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дѣдушка! сдѣлай божественную милость, возьми меня отсюда домой, на деревню... Нѣту никакой моей возможности... Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру“...

Ванька покривилъ ротъ, потеръ своимъ чернымъ кулакомъ глаза и всхлипнулъ.

„Я буду тебѣ табакъ тереть, — продолжалъ онъ, — Богу молиться, а если что, то сѣки меня какъ сидорову козу. А ежели думаешь, должности мнѣ нѣту, то я Христа ради попрошусь къ прикащику сапоги чистить, али замѣсто Оедыки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый! нѣту никакой возможности, просто смерть одна. Хотѣлъ было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапаговъ нѣту, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молить все равно, какъ за мамку Пелагею.

„А Москва городъ большой. Дома все господскіе, и лошадей много, а овецъ нѣту, и собаки незлыя. Со звѣздой тутъ ребята не ходятъ и на крылось пѣть никого не пускають, а разъ я видалъ въ одной лавкѣ на окнѣ, крючки продаются прямо съ леской и на всякую рыбу, очень стоящіе, даже такой есть одинъ крючокъ, что пудоваго сома удержитъ. И видалъ которыя лавки, гдѣ ружья всякія на манеръ бариновыя, такъ что небось рублей сто каждое... А въ мясныхъ лавкахъ и терева, и рябцы, и зайцы, а въ которомъ мѣстѣ ихъ стрѣляютъ, про то сидѣльцы не сказываютъ.

„Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами, возьми мнѣ золоченый орѣхъ и въ зеленый сундучокъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи: для Ваньки“.

Ванька судорожно вздохнулъ и опять усталъ на окно... Онъ вспомнилъ, что за елкой для господъ всегда ходилъ въ лѣсъ дѣдъ и бралъ съ собою внука. Веселое было время! И дѣдъ крикалъ, и морозъ крикалъ, а гляди

на нихъ и Ванька крякалъ... Бывало, прежде чѣмъ вырубить елку, дѣдъ выкуриваетъ трубку, долго нюхаетъ табакъ, посмѣивается надъ озябшимъ Ванюшкой... Молодые елки, окутанныя инеемъ, стоятъ неподвижно и ждутъ, которой изъ нихъ помирать. Откуда ни возмись, по сугробамъ летитъ стрѣлой заяцъ... Дѣдъ не можетъ, чтобъ не крикнуть: „Держи, держи... держи! Ахъ, кудый дьяволъ!“

Срубленную елку дѣдъ тащилъ въ господскій домъ, а тамъ принимались убирать ее... Больше всѣхъ хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать, Пелагея, и служила у господъ въ горничныхъ, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и отъ нечего дѣлать выучила его читать, писать, считать до ста и даже плясать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спроводили въ людскую кухню, къ дѣду, а изъ кухни въ Москву, къ сапожнику Аляхину.

„Пріѣзжай, милый дѣдушка, — продолжалъ Ванька, — Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отседа. Пожалѣй ты меня сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ, и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нальзя, все плачу. А наемднi хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропащая моя жизньъ, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алентѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ. Милый дѣдушка пріѣзжай!..“

Ванька свернулъ вчетверо исписанный листъ и вложилъ его въ конвертъ, купленный наканунѣ за копейку. Подумавъ немного, онъ обмокнулъ перо и написалъ адресъ: „На деревню дѣдушкѣ“.

Потомъ почесался, подумалъ и прибавилъ: „Константину Макарычу“. Довольный тѣмъ, что ему не помѣшали писать, онъ надѣлъ шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо въ рубахѣ, выбѣжалъ на улицу...

Сидѣльцы изъ мясной лавки, которыхъ онъ разспрашивалъ наканунѣ, сказали ему, что письма опускаются въ почтовые ящики, а изъ ящиковъ развозятся по всей

землѣ на почтовыхъ тройкахъ съ пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добѣжалъ до перваго почтоваго ящика и сунулъ драгоценное письмо въ щель.

Убаюканный сладкими надеждами, онъ часть спутя крѣпко спалъ... Ему снилась печка. На печи сидитъ дѣдъ, свѣсивъ босые ноги, и читаетъ письмо кухаркамъ... Около печи ходитъ Вьюнъ и вертитъ хвостомъ.

Чеховъ.

Мужичокъ съ ноготокъ.

Однажды, въ студеную зимнюю пору,
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И, шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ узцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!
— Здорово, парнище! — „Ступай себѣ мимо!“
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки? — „Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубить, а я отвожу“.
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что, у отца-то большая семья?
„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я...“
— Такъ вонъ оно что! А какъ звать тебя? —
„Власомъ“.
— А кой тебѣ годикъ? — „Шестой миноваль...
Ну, мертвая!“ крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ узцы и быстрѣй зашагалъ.
На эту картину такъ солнце свѣтило,
Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,
Какъ будто все это картонное было,
Какъ будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ!
Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
И дровни, и хворостъ, и пѣгонькій конь,

И снѣгъ, до окошекъ деревни лежащій,
И зимняго солнца холодный огонь —
Все-все настоящее русское было.

Некрасовъ.

П О З Д Н О!

Жила когда-то богатая дѣвушка Марта. Прослышалъ про ея приданое купецъ, выдавшій себя за богатаго. Но на самомъ дѣлѣ онъ промотался и только думалъ выгодной женитьбой поправить дѣла. Сумѣлъ онъ понравиться дѣвушкѣ, и та вышла за него замужъ. Чтобъ выманить у жены деньги, онъ пустился безсовѣстно лгать передъ нею. Онъ сказалъ ей, что для поправки своихъ торговыхъ дѣлъ нуждается въ большой суммѣ денегъ. Марта отдала ему все свое имущество. Но дѣлъ купца уже нельзя было поправить. Долговъ было слишкомъ много, да и не заплатилъ онъ ихъ и наполовину; остальное промоталъ опять, самъ попался, наконецъ, въ тюрьму, а несчастную жену, которая такъ довѣрчиво отдала ему все, что имѣла, оставить въ нищетѣ. Бѣдная женщина переѣхала въ убогій домикъ съ одной преданной служанкой и, такъ глубоко обманутая тѣмъ, кого прежде такъ много любила, рѣшилась никогда больше не видѣть мужа.

Но судьба не допустила Марту жить въ нищетѣ. Случилось, что умеръ у нея богатый одинокій дядя, завѣщавъ ей, какъ единственной наслѣдницѣ, все свое состояніе.

Снова стала жить Марта въ большомъ прекрасномъ домѣ, въ роскоши. Но сердце у нея не было черство, какъ у иныхъ богачей. Она не забывала и бѣдняковъ, и по всему околотку слыла благотѣлницей несчастныхъ. Только о мужѣ она никогда не хотѣла и слышать и, никогда о немъ не справляясь, не знала, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Прошло много-много лѣтъ. Разъ передъ ея окнами, въ толпѣ бѣдныхъ работниковъ, появился высокій обрванный старикъ самага болѣзненнаго, жалкаго вида. Съ

нимъ былъ осель, такой же тощій и хворый, какъ и его хозяинъ. Узнала въ старикѣ Марта своего мужа. Но не смягчилось ея сердце, такое нѣжное для другихъ несчастныхъ. Напрасно старикъ смѣшивался съ толпой бѣдняковъ, приходившихъ къ ея порогу. Не было для него ни привѣта, ни подавнїя...

Наступила страшная зима: одинъ день былъ холоднѣе другого; дни потеплѣй были туманны; ясные же сияли ледяной стужей. И все-таки несчастный старикъ съ осломъ являлся за ношей и тихо ступалъ за навьюченнымъ животнымъ, вздрагивая во время пути.

Выглянула богатая Марта изъ окна, спрашиваетъ горничную:

— Неужели, милая, у него нѣтъ прїюта на зиму?

— Онъ живетъ въ землянкѣ, — говоритъ горничная, — снѣгъ падаетъ на постель старика и таетъ на его головѣ.

— Дитя мое, онъ вполне заслуживаетъ свое наказаніе!

— Правда, барыня, но и наказаніе велико. Никогда не имѣетъ онъ сытной пищи; сквозь разодранное рубище видна его сморщенная кожа; на дворѣ ему холодно и дома не теплѣе; сколько труда, голода, стужи терпитъ несчастный старикъ!

— А подумай о томъ, что онъ со мной сдѣлалъ...

— Все знаю... Но взгляните, взгляните только, барыня, какими слабыми шагами идетъ онъ по дорогѣ... Что за леденящій вѣтеръ! что за изморозь — до костей прохватываетъ! Онъ почти замерзъ... Если поскользнется, не встать ему больше. Глядите, какъ хлопья снѣга ложатся на самыя дыры его кафтана. Они пробираются внутрь и поддерживаютъ ознобъ во всемъ тѣлѣ... Вотъ, вотъ смотрите! Онъ опять показался, опять ведетъ полумертваго осла, товарища своей работы! Сердце у бѣдняка замерзло въ груди; отчаянными глазами глядитъ онъ на небо, силясь прочитать молитву, но рѣзкій вѣтеръ замораживаетъ слова, и нѣмьютъ губы... А когда онъ придетъ домой, какой жалкій огонь въ печи! Я сама видѣла его грязную, жесткую постель: занимаетъ она

половину всего угла. Видѣла я хворость да кучку гнилой соломы — другихъ дровъ нѣтъ у старика. Ставь на колѣни, силится онъ раздуть маленькій огонь, но силится напрасно: на минуту вспыхнувъ, жидкое топливо гаснетъ, и всѣ усилія старика пропадаютъ въ минуту... Барыня, барыня, мнѣ даже подумать страшно, что, пока бѣдный старикъ такъ страдаетъ, я сижу себѣ въ теплой комнатѣ, спокойная и довольная.

Тронувъ, наконецъ, оскорбленную Марту разскажь дѣвушки.

— Ступай, — говоритъ она горничной, — къ старику въ землянку, снеси ему хлѣба да вина, но смотри, ни слова о примиреніи. Чтобъ онъ и не надѣялся, что я когда-нибудь его прощу. А когда вернешься... не смѣй мнѣ ничего разсказывать... И благодарить будетъ, тоже не говори... Чтобъ ни слова больше про него я отъ тебя ни слышала никогда!

Ушла дѣвушка... Хозяйка сѣла за книгу; но не читается ей... Такъ и мечется въ глаза землянка, а въ ней старикъ... Гонить прочь тяжелую картину, не идетъ она изъ головы... Нехорошо у Марты на душѣ. Задумалась Марта... А пока она думаетъ, горничная уже идетъ домой и плачетъ. Старикъ упалъ и умеръ на порогѣ своей землянки. Возлѣ мертваго тѣла стоитъ, понуря голову, одинъ только бѣдный осель, товарищъ трудовъ старика, самъ полумертвый отъ холода и голода.

С п а с и т е л ь.

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ
помышленьемъ,

Чтобъ и душу Тебѣ посвя-
тить,

И всю жизнь съ каждымъ
сердца биеньемъ;

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную
волю;

Научи никогда не роптать
На свою многотрудную
долю.

Всѣхъ, которыхъ пришелъ
искупить

Ты Своею пречистою кровью,
Безкорыстной, глубокой лю-
бовью

Научи меня, Боже, любить.
К. Р.

Мірская сходка.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей —
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.

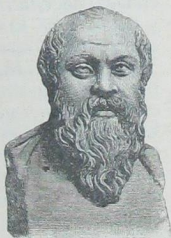
Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки-лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у лвицы;
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотреть левъ на лица,
То вѣрно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ
И разспросить того, другого,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ иль худого.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны;
На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка вѣрно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ, ужъ вѣрно, были? —
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Крыловъ.

Греческій мудрецъ Сократъ.

Въ старые годы, за 400 лѣтъ до Рождества Христова и за 2000 лѣтъ до нашего времени, жилъ въ Греции человекъ, по имени Сократъ, сынъ бѣднаго каменотеса. Сократъ учился мастерству отца, а также ходилъ въ школу. Сначала онъ учился въ дѣтской школѣ, потомъ поступилъ въ высшую, для взрослыхъ. И выучился Сократъ всему, что знали въ его время, прочелъ много книгъ и изучилъ всѣхъ греческихъ писателей. У Сократа отъ природы былъ большой и глубокий умъ; ученье еще больше развило его. Сталъ Со-

кратъ задумываться и надъ тѣмъ, чему учился, и надъ тѣмъ, какъ надо жить человѣку: объ этомъ не было сказано въ его книгахъ. Люди вокругъ него жили плохо; отъ нихъ научиться было нечему. Развѣ не научать ли боги? Греки въ тѣ времена вѣрили во многихъ боговъ. Ихъ боги, какъ они думали, жили на высокой горѣ, по виду были похожи на людей и вели себя, какъ люди: и ссорились, и плутовали, и воевали, и гнѣвались. Какіе же это боги, думалъ Сократъ, если они не лучше людей. Не такимъ долженъ быть настоящій Богъ. И сталъ Сократъ раздумывать, гдѣ же этотъ Богъ и какъ найти Его. И почувствовалъ онъ, что есть у него въ душѣ какой-то голосъ: сдѣлаетъ Сократъ хорошій поступокъ, голосъ въ душѣ одобряетъ его; поступить онъ худо — чувствуетъ, что нѣтъ ему покоя. И понялъ Сократъ, что надо повиноваться не греческимъ богамъ, которые сами не знаютъ, что хорошо, что худо, а слушаться этого внутренняго голоса — своей совѣсти. Этотъ голосъ справедливъ, какъ голосъ Бога. И рѣшилъ Сократъ: Богъ одинъ, а боги, въ которыхъ насъ учать вѣрить, придуманы людьми... Сталъ Сократъ учить народъ тому, что самъ понялъ. Люди начали прислушиваться къ ученію Сократа, а училъ онъ такъ: Богъ одинъ и голосъ его въ душѣ каждаго человѣка. Пусть человѣкъ слушается этого голоса — онъ будетъ поступать правильно. Голосъ этотъ велитъ человѣку не жить для своихъ похотей, а бороться съ ними; голосъ этотъ велитъ намъ быть добрыми, милостивыми, жалостливыми. И если будетъ человѣкъ слушаться этого голоса совѣсти и поступать, какъ онъ велитъ, то и почувствуетъ себя счастливымъ. Не въ богатствѣ счастье, не въ славѣ, не въ почестяхъ; счастье въ томъ, чтобы на душѣ было покойно, чтобы была чиста совѣсть.

Сократъ.

Такъ училъ Сократъ. Училъ онъ и на улицѣ, и у себя дома, и на площадяхъ, и возлѣ храмовъ. Сократъ умѣлъ говорить просто, понятно, больше спрашивалъ, чѣмъ поучалъ; слушатель его самъ доходилъ до правды. Цѣлая толпа, случалось, собиралась вокругъ Сократа: въ Греціи въ тѣ времена было въ обычаѣ учить на площадяхъ. И богачи, и бѣдняки, и знатные, и рабы— все хотѣли послушать мудреца. Иной осмѣетъ Сократа, обидитъ его дерзкимъ словомъ и отвернется, иной задумается, да не хватить у него силъ перебѣнить свою жизнь, а иной прислушается къ новымъ рѣчамъ да и станетъ поступать такъ, какъ учитъ Сократъ. Собралось у Сократа не мало друзей и учениковъ, которые поняли его ученіе и привязались къ учителю.

Такъ, уча людей, прожилъ Сократъ всю жизнь до глубокой старости. Жилъ онъ бѣдно, одѣвался въ простую одежду, одну и зимой и лѣтомъ, ходилъ босой и ѣлъ грубую пищу. Много друзей было у Сократа, но еще больше было враговъ. Особенно не нравилось его ученіе богачамъ: онъ осуждалъ роскошь, а они утопали въ ней; онъ осуждалъ праздность, а они чванились ею; онъ говорилъ, что надо подавлять свои похоти, а они объѣдались, опивались, развратничали; онъ говорилъ, что надо любить всѣхъ, а они истязали своихъ рабовъ; онъ училъ, что надо прислушиваться къ голосу совѣсти, а они заглушали этотъ голосъ и дѣлали всякія беззаконія. Сильно досаждало имъ ученіе Сократа; досаждало имъ и то, что многіе богатые и знатные юноши дѣлались его учениками и дѣлили съ нимъ его простую жизнь; боялись они и того, что своимъ ученіемъ онъ смутитъ народъ. И рѣшили они погубить Сократа. Но какъ сдѣлать это? Они придумали обвинить его въ томъ, что онъ хулитъ боговъ, научаеъ юношей не вѣрить въ нихъ и развращаетъ народъ.

Призвали Сократа на судъ. Судили въ тѣ времена на площади, при всемъ народѣ. Собралась огромная толпа послушать, какъ будутъ судить мудреца. Пришли и судьи — ихъ было 500 человекъ. Стали обвинять Сократа. Спокойно стоялъ онъ передъ судилищемъ; онъ не про-

силь о помилованіи, какъ дѣлали другіе обвиняемые; онъ не захотѣлъ взять и защитника, какъ ему предлагали друзья. Онъ самъ говорилъ на судѣ. „Судьи и граждане, — сказалъ онъ громкимъ и спокойнымъ голосомъ. — Я жилъ среди васъ 69 лѣтъ. Жизнь моя была на глазахъ у всѣхъ; я училъ народъ на площадяхъ и на улицахъ, не скрываясь и не таясь. Если кто слышалъ отъ меня что-нибудь безбожное или видѣлъ, что я сдѣлалъ дурной поступокъ, пусть скажетъ. Я училъ такъ, какъ мнѣ говорилъ голосъ Бога, который въ душѣ у каждого человѣка. Скажите, если я училъ неправильно! А я за свое ученіе готовъ претерпѣть не одну, а тысячу смертей“.

Не было никакой вины за Сократомъ, но враги не смутились этимъ. Спокойная рѣчь мудреца только еще больше раздражила ихъ; они приговорили его къ смертной казни: онъ долженъ былъ выпить чашу съ ядомъ; таковъ былъ обычай. Безъ страха и волненія выслушалъ Сократъ этотъ несправедливый приговоръ; не измѣнилось его лицо, не дрогнулъ голосъ, когда онъ сказалъ судьямъ свои послѣднія слова. „Смерти я не боюсь и не жалѣю жизни, — обратился онъ къ нимъ, — я жалѣю васъ, что вы осудили невиннаго: это большой позоръ для народа. И напрасно торопитесь вы убить меня; я старъ и немного уже мнѣ осталось жизни“.

Сократа отвели въ тюрьму; смерть его была отложена на нѣсколько дней, потому что были праздники. Горько рыдали друзья и ученики его: мысль о близкой смерти дорогого учителя раздирала имъ душу. Они рѣшили подкупить стражу, вывести Сократа изъ тюрьмы и переправить его съ семьей въ другую страну. Все ужъ было готово, были подговорены люди и собраны деньги, но Сократъ не захотѣлъ бѣжать: „Не могу я спасти себя обманомъ, — говорилъ онъ, — или вы хотите сдѣлать изъ меня обманщика? Я общалъ судьямъ, что подчинюсь ихъ приговору, и сказалъ, что готовъ умереть за свое ученье“. И онъ остался въ тюрьмѣ. Вотъ наступилъ и послѣдній день. Съ Сократа сняли цѣпи, которыми онъ былъ окованъ; впустили къ нему жену

съ дѣтьми, родныхъ и друзей, чтобы они простились съ нимъ. Горькія рыданія и вопли женщинъ огласили комнату; ихъ увели, и Сократъ остался одинъ съ учениками. Онъ былъ ясенъ и спокоенъ. Ученики окружили любимаго учителя; многіе не могли удержать рыданій. Сократъ утѣшалъ ихъ. „Не плачьте, какъ женщины, — говорилъ онъ, — не будьте малодушны. Смотрите на меня — я спокоенъ, на душѣ у меня легко. Я радъ умереть за правду. Я не сержусь на людей, которые осудили меня, я только жалѣю, что они не захотѣли понять моего ученія“. — „Скажи намъ твою послѣднюю волю, Сократъ, — говорили ученики его, — сдѣлай, какія нужно распоряженія, мы все исполнимъ съ радостью“. Но Сократъ отвѣчалъ: „Нечѣмъ мнѣ распоряжаться, — вы знаете, что имущества у меня нѣтъ. А если хотите исполнить волю мою — поступайте такъ, какъ я училъ васъ“. Солнце склонялось къ западу, близилось время казни. Вошелъ тюремщикъ съ чашей яда. Сократъ взялъ чашу и осушилъ ее до дна. Друзья и ученики зарыдали. Сократъ сталъ ходить по комнатѣ, чтобы ядъ скорѣе подѣйствовалъ. Почувствовавъ, что ноги его начали отекавать, онъ легъ на постель. Ученики окружили его. Ноги стали холодѣть; Сократъ не чувствовалъ ихъ. Стало холодѣть и все тѣло, только глаза еще ласково глядѣли на столпившихся вокругъ людей. Въ комнатѣ стало тихо, какъ въ могилѣ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца ворвались въ окно темницы. Сгустился сумракъ. Ученики наклонились къ тѣлу учителя, — онъ былъ мертвъ.

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,	Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,	„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
Только не сжата полоска одна...	Скучно склоняться до самой земли,
Грустную думу наводитъ она.	Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разо- ряютъ станицы	— Вашему пахарю мочень- ки нѣтъ.
Всякой пролетной прожор- ливой птицы,	Зналъ, для чего и пахаль онъ, и сѣяль,
Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...	Да не по силамъ работу затѣяль.
Гдѣ же нашъ пахарь? Чего еще ждетъ?	Плохо бѣднягъ — не ѣсть и не пьетъ,
Или мы хуже другихъ уро- дились?	Червь ему сердце большое сосетъ;
Или недружно цвѣли — колосились?	Руки, что вывели борозды эти,
Нѣтъ! мы не хуже другихъ — и давно	Высохли въ щепку, повисли, какъ плети;
Въ насъ налилось и созрѣ- ло зерно.	Очи потускли, и голосъ пропаль,
Не для того же пахаль онъ и сѣяль,	Что заунывную пѣсню пѣ- валь,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?..	Какъ, на соху налегая ру- кою,
Вѣтеръ несетъ имъ печаль- ный отвѣтъ:	Пахарь задумчиво шель полосуо.

Некрасовъ.

ЛѢСЪ ОСЕНЬЮ

Какъ хорошъ лѣсъ поздней осенью, когда прилета-
ютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой глуши:
ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ
ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенія, ни шума; въ
мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный за-
паху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми
полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревь мирно
блѣднѣетъ неподвижное небо; кое-гдѣ на липахъ висятъ
послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ
ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя
нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно ды-
шитъ грудь, а на душу находить странная тревога.
Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между

тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память; давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображеніе рѣшетъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всею своею душою владѣть чловѣкъ. И ничего кругомъ ему не мѣшаетъ — ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму...

А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце уже не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья, — когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, мѣрно вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ; вдали мельница стучитъ, полужакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней...

Тургеневъ.

Выхожу одинъ я на дорогу.

Выхожу одинъ я на дорогу:

Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ,
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздой говорить.

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...

Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду ль чего, жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я бѣ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Лермонтовъ.

Мужикъ Марей.

Мнѣ припомнился августъ мѣсяцъ въ нашей деревнѣ: день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтрёный; лѣто на исходѣ и надо ѣхать въ Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мнѣ такъ жалко покидать деревню. Я пошелъ за гумна и, спустившись въ оврагъ, поднялся въ Лоскъ, — такъ назывался у насъ густой кустарникъ по ту сторону оврага до самой рощи. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу, какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянкѣ, одиноко пашетъ мужикъ. Я знаю, что онъ пашетъ круто въ гору и лошадь идетъ трудно, и до меня изрѣдка долетаетъ его окрикъ: „Ну, ну!“ Я почти всѣхъ нашихъ мужиковъ знаю, но не знаю, который это теперь пашетъ, да мнѣ и все равно, я весь погруженъ въ мое дѣло, я тоже занятъ: я выламываю себѣ орѣховый хлыстъ, чтобъ стегать имъ лягушекъ; хлысты изъ орѣшника такъ красивы и такъ прочны, куда противъ березовыхъ. Занимаютъ меня тоже букашки и жучки, я ихъ собираю, есть очень нарядные; люблю я также маленькихъ, проворныхъ, красно-желтыхъ ящерицъ, съ черными пятнышками, но змѣекъ боюсь. Впрочемъ, змѣйки попадаютъ гораздо рѣже ящерицъ. Грибовъ тутъ мало; за грибами надо идти въ березнякъ, и я собираюсь отправиться. И ничего въ жизни я такъ не любилъ, какъ лѣсъ съ его грибами и дикими ягодами, съ его букашками и птичками, ежиками и бѣлками, съ его столь любимымъ мною сырымъ запахомъ перетлѣвшихъ

листьевъ. И теперь даже, когда я пишу это, мнѣ такъ и послышался запахъ нашего деревенскаго березняка: впечатлѣнія эти остаются на всю жизнь. Вдругъ, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышалъ крикъ: „Волкъ бѣжить!“ Я вскрикнулъ и, внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну, прямо на пахущаго мужика.

Это былъ нашъ мужикъ Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его всѣ звали Мареемъ, — мужикъ лѣтъ пятидесяти, плотный, довольно рослый, съ сильною просѣдою въ темнорусой окладистой бородѣ. Я зналъ его, но до того никогда почти не случалось мнѣ заговорить съ нимъ. Онъ даже остановилъ кобыленку, заслышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другой за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ.

— Волкъ бѣжить! — прокричалъ я, задыхаясь.

Онъ вскинулъ голову и невольно оглядѣлся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ.

— Гдѣ волкъ?

— Закричалъ... Кто-то кричалъ сейчасъ: „Волкъ бѣжить“... — пролепеталъ я.

— Что ты, что ты, какой волкъ?.. Померещилось, вишь! Какому тутъ волку быть! — бормоталъ онъ, ободряя меня.

Но я весь трясся и еще крѣпче уцѣпился за его зипунъ и, должно-быть, былъ очень блѣденъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ безпокойною улыбкою, видимо, боясь и тревожась за меня.

— Ишь, вѣдь испужался, ай-ай! — качалъ онъ головой. — Полно, родной. Ишь, малецъ, ай!

Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ.

— Ну, полно же, ну, Христосъ съ тобой, окстись.

Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали и, кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой толстый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный въ землѣ палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивающихъ моихъ губъ.

— Ишь вѣдь, ай, — улынулся онъ мнѣ какою-то материнскою и длинною улыбкой. — Господи, да что это, ишь вѣдь, ай, ай!

Я понялъ, наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ „волкъ бѣжитъ“ померещился. Крикъ былъ, впрочемъ, такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ уже разъ или два и прежде мерещились, и я зналъ про то. (Потомъ, съ дѣтствомъ, эти галлюцинаціи прошли).

— Ну, я пойду, — сказалъ я вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я-те во слѣдъ посмотрю. Ужъ я тебя волку не дамъ! — прибавилъ онъ, все такъ же матерински мнѣ улыбаясь. — Ну, Христосъ съ тобой; ну, ступай!

И онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился. Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждыя десять шаговъ. Марей, пока я шелъ, все стоялъ съ своею кобыленкой и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, каждый разъ кивая мнѣ головой, когда я оглядывался. Мнѣ, признаюсь, было немножко предъ нимъ стыдно, что я такъ испугался, но шелъ я, все еще очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогоръ оврага, до первой риги: тутъ испугъ соскочилъ совсѣмъ и вдругъ, откуда ни возьмись, бросилась ко мнѣ наша дворовая собака, Волчокъ. Съ Волчкомъ-то я ужъ вполне ободрился и обернулся въ послѣдній разъ къ Марею; лица его я уже не могъ разглядѣть ясно, но чувствовалъ, что онъ все точно такъ же мнѣ ласково улыбается и киваетъ головой. Я махнулъ ему рукой, онъ махнулъ мнѣ тоже и тронулъ кобыленку.

— Ну, ну! — слышался опять отдаленный окрикъ его, и кобыленка потянула опять свою соху.

Все это мнѣ разомъ припомнилось, не знаю, почему, но съ удивительною точностью въ подробностяхъ.

Я тогда, придя домой отъ Марей, никому не рассказалъ о моемъ „приключеніи“. Да и какое это было приключеніе? Да и о Марей я тогда очень скоро забылъ. Встрѣчаясь съ нимъ потомъ изрѣдка, я никогда

даже съ нимъ не заговаривалъ, не только про волка, да и ни о чемъ, и вдругъ теперь, двадцать лѣтъ спустя, припомнилъ всю эту встрѣчу съ такою ясностью, до самой послѣдней черты. Значить, залегла же она въ душѣ моей непримѣтно, сама собой и безъ воли моей, и вдругъ припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нѣжная, материнская улыбка бѣднаго крѣпостного мужика, его кресты, его покачиванье головой: „Ишь вѣдь испужался, малецъ!“ И особенно этотъ толстый его, запачканный въ землѣ палецъ, которымъ онъ тихо и съ робкою нѣжностью прикоснулся къ вздрагивавшимъ губамъ моимъ. Конечно, всякій бы ободрить ребенка, но тутъ, въ этой уединенной встрѣчѣ, случилось какъ бы что-то совсѣмъ другое, и если бъ я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ бы посмотреть на меня сіяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ. А кто его заставлялъ? Былъ онъ собственный крѣпостной нашъ мужикъ, а я все же его барчонокъ; никто бы не узналъ, какъ онъ ласкалъ меня, и не наградилъ за то. Любилъ онъ, что ли, такъ ужъ очень маленькихъ дѣтей? Такіе бывають. Встрѣча была уединенная, въ пустомъ полѣ, и только Богъ, можетъ, видѣлъ сверху, какимъ глубокимъ и просвѣщеннымъ человѣческимъ чувствомъ и какою тонкою, почти женственною нѣжностью можетъ быть наполнено сердце иного грубаго, звѣрски невѣжественнаго крѣпостного русскаго мужика, еще и неждавшаго—негадавшаго тогда о своей свободѣ.

Достоевскій.

В о р ъ.

Спѣша на званный пиръ по улицѣ прегрязной,
Вчера былъ пораженъ я сценой безобразной:
Торгашъ, у коего украденъ былъ калачъ,
Вздрогнувъ и поблѣднѣвъ, вдругъ поднялъ вой и плачъ
И, бросающъ отъ лотка, кричалъ: „Держите вора!“
И воръ былъ окруженъ и остановленъ скоро.
Закушенный калачъ дрожать въ его рукѣ;
Онъ былъ безъ сапоговъ, въ дырявомъ сюртукѣ;

Лицо являло стѣдъ недавняго недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришелъ городской, подчаска подозвалъ,
По пунктамъ отобралъ допросъ отмѣнно строгій,
И вора повели торжественно въ кварталъ.

Некрасовъ.

Оселъ и соловей.

Осель увидѣлъ соловья
И говорить ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерщице:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье?“
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рошѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно! — говорить. — Сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился“.
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять земель.

—
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Крыловъ.

Т о с к а.

Кому повѣмъ печаль мою?..

Вечернія сумерки. Крупный, мокрый снѣгъ лѣниво кружится около только что зажженныхъ фонарей и тонкимъ, мягкимъ пластомъ ложится на крыши, лошадиныя спины, плечи, шапки. Извозчикъ Іона Потаповъ весь бѣлъ, какъ привидѣніе. Онъ согнулся, насколько только возможно согнуться живому тѣлу, сидитъ на козлахъ и не шевелится. Упади на него цѣлый сугробъ, то и тогда бы, кажется, онъ не нашелъ нужнымъ стряхивать съ себя снѣгъ... Его лошаденка тоже бѣла и неподвижна.

Іона и его лошаденка не двигаются съ мѣста уже давно. Выѣхали они со двора еще до обѣда, а почина все нѣтъ и нѣтъ.

— Извозчикъ, на Выборгскую! — слышитъ Іона. — Извозчикъ!

Іона вздрагиваетъ и сквозь рѣсницы, облѣпленные снѣгомъ, видитъ военнаго въ шинели съ капюшономъ.

— На Выборгскую! повторяетъ военный. — Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

Въ знакъ согласія Іона дергаетъ вожжи, отчего со спины лошади и съ его плечъ сыплются пласты снѣга... Военный садится въ сани.

Извозчикъ чмокаетъ губами, вытягиваетъ по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычкѣ, чѣмъ по нуждѣ, машетъ кнутомъ. Лошаденка тоже вытягиваетъ шею, кривитъ свои палкообразныя ноги и нерѣшительно двигается съ мѣста...

Іона оглядывается на сѣдока и шевелитъ губами... Хочетъ онъ, повидимому, что-то сказать, но изъ горла не выходитъ ничего, кромѣ сипѣнья.

— Что? — спрашиваетъ военный.

Іона кривитъ улыбкой ротъ, напрягаетъ свое горло и сипитъ:

— А у меня, баринъ, тово... сынъ на этой недѣлѣ померъ.

— Гмъ... Отчего же онъ умеръ?

Иона оборачивается всѣмъ туловищемъ къ сѣдоку и говоритъ:

— А кто жъ его знаетъ! Должно, отъ горячки... Три дня полежалъ въ больницѣ и померъ... Божья воля.

— Поѣзжай, поѣзжай!.. — говоритъ сѣдокъ. — Этакъ мы и до завтра не доѣдемъ... Подгони-ка!

Извозчикъ опять вытягиваетъ шею, приподнимается и съ тяжелой граціей взмахиваетъ кнутомъ. Нѣсколько разъ потомъ оглядывается онъ на сѣдока, но тотъ закрылъ глаза и, повидимому, не расположенъ слушать... Высадивъ его на Выборгской, онъ останавливается у трактира, сгибается на козлахъ и опять не шевельнется... Мокрый снѣгъ опять красить набѣло его и лошаденку... Проходитъ часть, другой.

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходятъ трое молодыхъ людей: двое изъ нихъ высоки и тонки, третій малъ и горбатъ.

— Извозчикъ, къ Полицейскому мосту! — кричитъ дребезжащимъ голосомъ горбачъ. — Троихъ... двугривенный!

Иона дергаетъ вожжами и чмокаетъ. Двугривенный — цѣна несходная, но ему не до цѣны... Что рубль, что пятакъ — для него теперь все равно, были бы только сѣдоки...

— Ну, погоняй! — дребезжитъ горбачъ, останавливаясь и дыша въ затылокъ Ионы. — Луи! Да и шапка же у тебя, братецъ! Хуже во всемъ Петербургѣ не найти...

— Гы-ы... гы-ы... — хохочетъ Иона. — Какая есть...

— Ну ты, какая есть, погоняй! Этакъ ты всю дорогу будешь ѣхать? Да? А по шеѣ?..

Иона чувствуетъ за своей спиной вертящееся тѣло и голосовую дрожь горбача... Онъ слышитъ обращенную къ нему ругань, видитъ людей, и чувство одиночества начинаетъ мало-по-малу отлетать отъ груди. Иона оглядывается на нихъ. Дождавшись, короткой паузы, онъ оглядывается еще разъ и бормочетъ.

— А у меня на этой недѣлѣ... тово... сынъ померъ!

— Всѣ померъ... — вздыхаетъ горбачъ, вытирая послѣ кашля губы. — Ну, погоняй, погоняй! Господа, я рѣши-

тельно не могу дальше такъ ѣхать! Когда онъ насъ довезетъ?

— А ты его легонько подбодри... въ шею!

— Гы-ы... — смѣется Иона. — Веселые господа... Дай Богъ здоровья!

— Извозчикъ, ты женатъ?—спрашиваетъ длинный.

— Я то? Гы-ы... Ве-еселые господа! Таперь у меня одна жена — сырая земля... Хи-хо-хо... Могила то-есть... Сынъ-то вотъ померъ, а я живъ... Чудное дѣло, смерть дверью обозналась... Замѣсто того, чтобъ ко мнѣ иттить, она къ сыну...

И Иона оборачивается, чтобы рассказать, какъ умеръ его сынъ, но тутъ горбачъ легко вздыхаетъ и заявляетъ, что, слава Богу, они, наконецъ, пріѣхали... Получивъ двугривенный, Иона долго глядитъ вслѣдъ гулякамъ, исчезающимъ въ темномъ подъездѣ. Опять онъ одинокъ и опять наступаетъ для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распираетъ грудь еще съ большей силой... Глаза Ионы тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, снующимъ по обѣ стороны улицы: не найдется ли изъ этихъ тысячъ людей хоть одинъ, который выслушалъ бы его? Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски... Тоска громадная, незнающая границъ. Лопни грудь Ионы и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется, весь свѣтъ залила, но тѣмъ не менѣе не видно. Она сумѣла помѣститься въ такую ничтожную скорлупу, что ея не увидишь днемъ съ огнемъ...

Иона видитъ дворника съ кулькомъ и рѣшается заговорить съ нимъ.

— Милый, который теперь часъ будетъ? — спрашиваетъ онъ.

— Десятый... Чего же сталъ здѣсь? Проѣзжай!

Иона отъѣзжаетъ на нѣсколько шаговъ, изгибается и отдается тоскѣ... Обращаться къ людямъ онъ считаетъ уже бесполезнымъ... Но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ выпрямляется, встряхиваетъ головой, словно почувствовалъ острую боль, и дергаетъ вожжи... Ему не въ моготу.

„Ко двору... — думаетъ онъ. — Ко двору!“

И лошаденка, точно понявъ его мысль, начинает бѣжать рысцой... Спусти часа полтора, Иона сидитъ уже около большой, грязной печи... На печи, на полу, на скамьяхъ храпять народъ...

„И на овесъ не выѣздили... думаетъ онъ. — Оттого-то вотъ и тоска. Человѣкъ, который знающій свое дѣло... который и самъ сытъ, и лошадь сыта, завсегда покоенъ...“

Въ одномъ изъ угловъ поднимается молодой извозчикъ, сонно крикаетъ и тянется къ ведру съ водой...

— Пить захотѣлъ? — спрашиваетъ Иона.

— Стало-быть, пить!

— Такъ... На здоровье... А у меня, братъ, сынъ померъ... Слыхалъ? На этой недѣлѣ, въ больницѣ... Исторія!

Иона смотритъ, какой эффектъ произвели его слова, но не видитъ ничего. Молодой укрылся съ головой и уже спитъ... Старикъ вздыхаетъ и чешется... Какъ молодому хотѣлось пить, такъ ему хочется говорить. Скоро будетъ недѣля, какъ умеръ сынъ, а онъ еще путемъ не говорилъ ни съ кѣмъ... Нужно поговорить съ толкомъ, съ разстановкой... Надо рассказать, какъ заболѣлъ сынъ, какъ онъ мучился, что говорилъ передъ смертію, какъ умеръ... Нужно описать похороны и поѣздку въ больницу за одеждой покойника. Въ деревнѣ осталась дочка Анисья... И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чемъ онъ можетъ теперь поговорить? Слушатель долженъ охать, вздыхать, причитывать...

„Пойти, лошадь поглядѣть, — думаетъ Иона. — Спать всегда успѣешь... Небось, выспишься...“

Онъ одѣвается и идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь. Думаетъ онъ объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ... Про сына, когда онъ одинъ, думать онъ не можетъ... Поговорить съ кѣмъ-нибудь о немъ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко...

— Жуешь? — спрашиваетъ Иона свою лошадь, видя ея блестящіе глаза. — Ну, жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ... Да... Старъ ужъ я сталъ ѣздить... Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То насто-ящій извозчикъ былъ... Жить бы только... — Иона молчитъ

нѣкоторое время и продолжаетъ:—Такъ-то, братъ, кобы-
лочка... Нѣту Кузмы Ионыча. Приказаль долго жить...
Взять и померъ зря... Таперя, скажемъ, у тебя жере-
беночекъ и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ,
скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказаль долго-
жить... Въдь жалко?

Лошаденка жуеть, слушаетъ и дышитъ на руки сво-
его хозяина.

Иона увлекается и рассказываетъ ей все...

Чеховъ.

С о с н а.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходитъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Лермонтовъ.

Л ж е ц ъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ-быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгаль.

„Нѣтъ, — говорить, — что я видалъ,

Того ужъ не увижу болѣ.

Что здѣсь у васъ за край?

То холодно, то очень жарко,

То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ жарко.

Вотъ тамъ-то прямо рай!

И вспомнить, такъ душѣ отрада!

Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ не надо:

Не знаешь въкъ, что есть ночная тѣнь.

И круглый Божій годъ все видишь майскій день.

Никто тамъ ни садить, ни сѣть;

А если бѣ посмотрѣлъ, что тамъ растеть и зрѣть!..

Вотъ въ Римѣ, напимѣрь, я видѣлъ огурецъ...

Ахъ, мой Творецъ!

И по сію не вспомнюсь пору!

Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору“.

— Что за диковина! — пріятель отвѣчалъ. —

На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,

Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.

Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,

Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,

И я въ томъ спорить буду.

Вонъ, видишь ли, черезъ рѣку тотъ мостъ,

Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,

А свойство чудное имѣть:

Лжець ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣть, —

До половины не дойдетъ —

Провалится и въ воду упадетъ;

Но кто не лжетъ

Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.

„А какова у васъ рѣка?“

— Да не мелка.

Такъ, видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!

Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ...

Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?

„Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ“.

— Повѣрить трудно!

Однако-жъ, какъ ни чудно,

А все чуденъ и мостъ, по коему мы пойдемъ,

Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;

И нынѣшней еще весной

Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)

Два журналиста да портной.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной,

Диковинка, коль это справедливо...

„Ну, не такое еще диво;

Вѣдь надо знать, какъ вещи есть.

Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;

Что тамъ за дома:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзъ
И то ни стать, ни сѣсть!
— Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако-жъ, мостъ-отъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...
„Послушай-ка, — тутъ перервалъ мой лжецъ: —
Чѣмъ на мостъ намъ итти... поищемъ лучше броду“.

Кры. 1066.

Докторъ Гаазъ.

Въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка въ Москвѣ самымъ извѣстнымъ врачомъ былъ нѣмецъ, докторъ Гаазъ. Вся Москва лѣчилась у него; цѣлые дни знаменитый докторъ разѣзжалъ по городу въ каретѣ четверкой съ двумя ливрейными лакеями. У доктора было два собственныхъ дома, пригородная дача, суконная фабрика, деньги въ банкѣ. И вотъ, этого моднаго врача, разѣзжавшаго въ каретѣ, посѣщавшаго самые богатые дома въ Москвѣ и получавшаго за свои совѣты огромныя деньги, пригласили однажды быть членомъ попечительства о тюрьмахъ. Совсѣмъ новый міръ открылся глазамъ доктора. Онъ увидаль темныя, сырыя тюрьмы, переполненныя арестантами. Тутъ были мужчины, женщины, дѣти, старики, истощенные, полуголодные, больные, всѣми забытые. Положеніе тюремнаго дѣла въ то время было гораздо хуже теперешняго. Худо было и въ самыхъ тюрьмахъ; еще ужаснѣе была пересылка арестантовъ въ Сибирь — безконечное путешествіе плохо одѣтыхъ, истощенныхъ людей, которыхъ, ради удобствъ надзора, приковывали всѣхъ цѣпью къ одному общему пруту. Этотъ желѣзный прутъ былъ настоящей пыткой въ пути: здоровые и больные, сильные и слабые должны были итти въ этой общей цѣпи, которую можно было разомк-

нута только на слѣдующей остановкѣ. Кто уставалъ, тотъ, выбиваясь изъ силъ, долженъ былъ поспѣвать за остальными; кто падалъ отъ изнеможенія, того тащили за собой, тащили и того, кто умиралъ дорогой. И такъ отъ остановки до остановки, т. е. двадцать пять верстъ пути. Такова была въ то время жизнь тюрьмы.

Докторъ Гаазъ былъ глубоко пораженъ тяжелой участью арестантовъ и, забросивъ свою практику, всей душой отдался этому новому дѣлу. Тюрьма стала его вторымъ домомъ, арестанты — его дѣтьми, ихъ участь — его горемъ. Прежде всего Гаазъ позаботился улучшить условія жизни арестантовъ въ тюрьмѣ. Онъ добился

того, что тѣсное помѣщеніе тюрьмы было расширено, были пристроены новый флигель, и въ камерахъ стало просторнѣе и свѣтлѣе. Далѣе Гаазъ началъ вести дѣятельную борьбу съ ненавистнымъ прутомъ, которымъ сковывали арестантовъ во время пути. Онъ изобрѣлъ другой способъ для предупрежденія побѣга: онъ придумалъ кандалы, и эти кандалы казались арестантамъ настоящимъ избавленіемъ отъ пытки,

Докторъ Гаазъ.

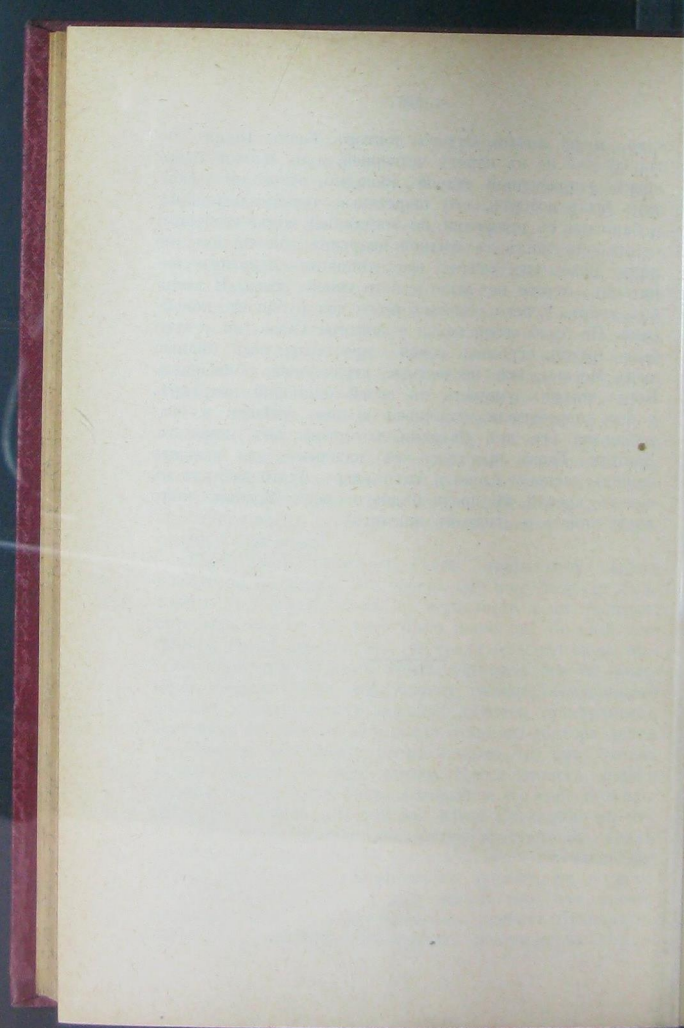
потому что движеніе въ нихъ было болѣе свободнымъ; не было этой общей цѣпи, сковывающей вмѣстѣ цѣлую партію людей. Но на кандалы тюремное начальство не давало средствъ, и Гаазъ достаетъ на это 20 тысячъ рублей отъ какого-то неизвѣстнаго благотворителя; вѣроятно, онъ же самъ и былъ этимъ благотворителемъ. По крайней мѣрѣ, когда Гаазъ замѣтилъ, что желѣзные наручники, надѣваемые арестантамъ, причиняютъ имъ боль, и когда тюремное начальство опять не хотѣло ничего сдѣлать, — снова является неизвѣстный благотворитель, жертвуетъ крупную сумму денегъ, и у всѣхъ наручниковъ оказывается кожаная подкладка. И надо ли было помочь какой нибудь тюремной нуждѣ — всегда

откуда-то являлись деньги, и у арестантовъ была сытная пища, теплое платье.

Но не только объ облегченіи страданій тѣла арестантовъ заботился докторъ Гаазъ. Каждый изъ арестантовъ былъ для него человѣкъ-братъ, и онъ не на минуту не забывалъ, что у каждаго изъ этихъ несчастныхъ, озлобленныхъ людей есть человѣческая душа. Онъ старался облегчить имъ тяжесть заключенія: онъ бесѣдовалъ съ ними, спрашивалъ объ ихъ жизни, доставлялъ имъ свиданія съ родными, писалъ отъ нихъ письма на родину; онъ носилъ имъ Евангелія, книги; каждаго уходящаго въ Сибирь онъ снабжалъ на дорогу, чѣмъ могъ, напутствовалъ его ласковыми словами и нерѣдко пѣшкомъ провожалъ уходящую партію далеко за заставу. Съ иными изъ сосланныхъ онъ велъ переписку, другимъ доставлялъ свѣдѣнія объ ихъ оставшихся родныхъ. Не разъ случалось, что докторъ Гаазъ добивался оправданія нѣкоторыхъ невинно осужденныхъ, для чего ему приходилось не мало хлопотать, ѣздить по судамъ, просить, кланяться.

Какъ врачъ, докторъ Гаазъ попрежнему имѣлъ множество больныхъ. Но теперь ему уже некогда было ѣздить въ богатые дома: у него были свои больные, которыхъ ему не на кого было покинуть. Больные эти были и среди арестантовъ, и среди бѣднаго люда Москвы. Для этой бѣдности Гаазъ устроилъ особую больницу, которая была переполнена нищими, бездомными: докторъ лѣчилъ однихъ, кормилъ другихъ, пристраивалъ третьихъ. Въ Москвѣ всѣ знали старичка-доктора, знали его любовь ко всѣмъ обездоленнымъ, и ему охотно давали деньги на ихъ нужды. Много такихъ денегъ прошло черезъ руки Гааза, который и все свое большое состояніе тратилъ для той же цѣли. Случалось ли, что въ тюрьмѣ уменьшали довольствіе арестантамъ—Гаазъ доплачивалъ изъ своихъ средствъ; надо ли было добиться какого-либо улучшенія въ тюрьмѣ, на которое не отпускали денегъ,—Гаазъ давалъ ихъ изъ своего кармана; надо ли было прописать рецептъ бѣдняку,— вмѣстѣ съ рецептомъ ему давались деньги и на лѣкар-

ство, и на хлѣбъ. Оттого докторъ Гаазъ ѣздилъ по городу уже не въ каретѣ четверней, а въ плохой одноколкѣ, запряженной старой лошадыю, оттого его сюртукъ былъ потертъ, его шерстяные чулки заштопаны, а башмаки съ пряжками, по тогдашней модѣ, стоптаны: оттого онъ жилъ въ бѣдной квартирѣ; плохо ѣлъ, не пилъ даже чаю, считая его слишкомъ дорогимъ напиткомъ; оттого не было у него своей семьи. И когда онъ умеръ, у него осталось всего два рубля съ копейками. Не было своей семьи у доктора Гааза, но у него была другая, огромная семья — арестанты, весь бѣдный людъ Москвы, всѣ несчастные, страдающіе, обиженные. Когда старикъ умиралъ въ своей одинокой квартирѣ, у него перебывали, ухаживая за нимъ, утѣшая и благословляя его, всѣ бѣдняки, которымъ онъ помогалъ. Докторъ Гаазъ простился съ каждымъ, для каждого нашелъ ласковое слово и тихо умеръ, будто заснулъ въ своемъ креслѣ. И среди бѣднаго люда Москвы долго жила память о „святомъ докторѣ“.

IV

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

БЕРКОВИЧЪ СЪВЪЩАЮЩЕ

Церковно-славянская азбука.

Аа Бб Вв Гг Дд Ёё Жж

азъ буки вѣди глаголь добро есть живете

Ѕѕ Ѕѕ Ии Ъї Кк Лл Мм

з'бло земля иже і како люди мыслѣте

Нн Оо Пп Рр Сс Тт Уу

нашъ онъ покой рцы слово твердо укъ (у)

У у Ф ф Х х Ѳ ѳ Ц ц Ч ч

у ферть хѣръ отъ цы червь

у ферть хѣръ оть цы червь

Шш Шш Хх Ыы Ъъ Ьь

ша ща еръ еры ерь ять

ЮЮ МА Оwo ИпаАА

10

ЮСЪ

O

Я

၃၃

КСИ

ПСИ

ӨИТА

Vr.

ИЖИЦА.

Славянскія буквы, сходныя съ русскими.

Бѡгъ. — Спѣсх. — Сынъ. — Мѣти. — Небо. — Чл-
да. — Люди. — Посты. — Отѣцъ. — Церковь. — Го-
сподь. — Христосъ. — Братіе. — Молитвы. — Празд-
ницы. — Спаситель. — Воскресѣніе. — Вознесѣніе. —
Христїаннх.

Бѡгъ Отѣцъ. — Бѡгъ Сынъ. — Бѡгъ Спѣсх нашъ. —
Господь помощникъ нашъ. — Господи, благослови
дѣло сіе. — Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. —
Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ. — Христосъ Сынъ
Божій. — Христосъ Спѣсх нашъ. — Христосъ спѣсх насъ
кровію своею. — Церковь Христова мѣти наша. —
Церковь заповѣдала намъ молитвы, посты и
праздники.

Дѣва Богородица роди Христа во градѣ вилле-
емѣ. — Вгда Христосъ исхождаше изъ воды, по
крещеніи своемъ, слышанъ бысть гласъ съ небесъ:
Ты еси Сынъ мой, возлюбленный. — Христосъ Спѣсх
нашъ, рожденъ бысть въ виллеемѣ, воскресъ же
изъ мѣртвыхъ въ сіонѣ. — Христосъ воскресъ изъ
мѣртвыхъ, смѣртію смѣрть попрѣхъ. — Воскресѣніе
Твое Христе Спѣсе, ангели поютъ на небеси.

Господь Бѡгъ естъ Отѣцъ нашъ небесный. — Воз-
любви Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ тво-
имъ. — Бѡгъ нашъ приближице и сила, помощникъ

вх скорбѣхъ. — Щедръ ѿ милостивхъ Господь, долготерпѣливъ ѿ многомилостивхъ. — Господь просвѣщеніе мое ѿ спаситель мой. — Братство возлюбите. — Любите ѿ врагѣи ваша. — Со всѣми человеки миръ имѣйте. — Солнце да не зайдетъ во грѣбѣи вашемъ. — Чти Отца твоего ѿ матери твою.

Славянскія буквы, несходныя съ русскими.

Оу произносится какъ русское у, Ѹ — также какъ у, И — какъ русское я, ѡ — тоже я, Ѫ — какъ русское о.

Оухо. — Оутро. — Оуста. — Оутренѣ. — Оуспеніе. — Оупоканіе — ДѸхъ. — ДѸша. — Слава. — ИсѸсъ. — ИѸси. — ИѸзыкъ. — ИѸмѣ. — СѸмѣ. — МаріѸ. — Клатва. — Вечерѣ. — ЛѣтѸргіѸ или Ѹвѣда. — Проклатіе. — ІѸна. — ІѸаннъ. — ІѸсифъ. — ІѸрдѸнъ. — ІѸаннѣи.

Господи, помилѸй. — Приклони, Господи, оухо Твое мнѣ ѿ оуслыши глаголы мои. — ЗаѸтра оуслыши гласъ мой, Царю мой ѿ БѸже мой. — Оуслыши, Господи, правдѸ мою, конми моленію моемъ. — Да возрадѸется дѸша твоѸ ѿ Господѣ. — Положи, Господи, храненіе оустомъ моихъ. — Слава БѸгъ. — Благодѣтелю нашемъ во вѣки вѣковъ. — БѸже, милостивъ буди мнѣ грѣшномъ.

ИѸви намъ, Господи, милость твою ѿ спасеніе Твое даждь намъ. — Исповѣдайтеса Господевѣи, ѿко

благъ, ꙗко въ кѣхъ милость ѿгш. — Да вѣдетъ
вола твоа, Господи, ꙗко на небеси и на земли. —
Ангели, оуспѣніе Пречистыа видѣвше, оудившася.

Благослови душе моа, Господи. — Господи, воз-
звахъ къ Тебѣ, оуслыши ма. — Помилѡи ма, Бо-
же, помилѡи ма. — Пресвѣтла Трѡнце, помилѡи
насъ. — Свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ еси Боже, Богороди-
цею помилѡи насъ.

Господи, ѡчиисти грѣхѡи наша. — Моли Бога ѡ
насъ, Свѣтителю Сѣтче Николле, ꙗко мы оусерднѡ
къ Тебѣ прибѣгаемъ. — ѿ всепѣтла Мѣти, рѡж-
дала всѣхъ свѣтыхъ свѣтѣишее слово! — ѿ
Пресладкѡи и Пречедрыи Иисусе, прѡими сіе малое
моленіе наше, ꙗкоже прѡлахъ еси вдовицы двѣ
лѣпта.

Славянскія буквы, не находящіяся въ русской азбукѣ.

З произносится какъ русское з, Ѣ — какъ отъ, Ѕ — какъ кс,
Ѳ — какъ пс, Ѳ — какъ в, Ѳ — какъ и.

Сло. — Сла. — Сми. — Сла. — Свѣрь. — Се-
ліе. — Свѣзда. — Сѣница. — Ѣшествіе. — Ѣніа. —
Алеѡи. — Ѳло. — Ѣа. — Ѣангеліе. — Мѡро. —
Сѡмболъ вѣры.

Сохрани ма, Господи, ѡ всакаго сла. — Со-
храни ма, Господи, ꙗко сѣнищъ ѡка. — Сѣтче наша!
изъави насъ ѡ лѣваго. — Ѣкрати, Господи, лице
Твое ѡ грѣхъ моихъ и вса беззакѡнѡа моа ѡчи-

сѣи. — Не ѿтвѣржи мене ѿ лица твоего и дѣха
свѣтаго не ѿими ѿ мене.

Хвали́те Го́спода всѣ́ свѣ́зды и́ свѣ́тъ: хва-
ли́те Го́во всѣ́ змѣ́е. — Да возхва́лятъ и́ма Го́во въ
ли́цѣхъ: въ чѹмпа́нѣ и́ Фалти́рѣ да пою́тъ ѡ́мъ. —
Исповѣ́дайтесь Го́сподеви: во Фалти́рѣ де́сятоустѣн-
ны́хъ пойте ѡ́мъ. — Хвали́те Го́га во Фалти́рѣ и́
гѣла́хъ. — Го́сподь за́щититель живо́та моего́: ѿ
кого́ оустра́шася.

Свѣ́тый а́нгеле, храни́телю мой, ѿ всѣ́каго зла́
сохрани́ мѧ. — Свѣ́тъ о́гю́дницы Го́жи, Ѣсенофо́нте
и́ Алека́ндре, ѿ всѣ́каго зла́го ѡбсто́янія изба-
вля́йте насъ моли́твами ва́шими.

Упражненія въ чтеніи безъ титль.

Блаже́нъ, иже и́ скоты́ мнѡде́тъ. — Всѣ́ко дре́во,
ѣ́же не твори́тъ пло́да добра́, поскѣ́емо вы́кае́тъ,
и въ о́гнь вметѧ́емо. — Сы́нъ благоу́мный по-
слѣ́вшихъ о́тца. — Сы́нъ премѹ́дръ весели́тъ о́тца:
сы́нъ же кезѹ́менъ печа́ль ма́тери. — Лѹ́чше пре-
мѹ́дрость ка́меній многоцѣ́нныхъ. — Ѣ́ многосло́ви
не избѣ́жиши грѣ́ха. — И́зыкъ лжи́въ ненави́дитъ
и́стины. — Лѹ́чше ни́щъ пра́ведный, не́жели бога́тъ
лживъ. — Сы́не, не оустра́ня́йся ѿ пла́чущихъ, и́
сзсѣ́дующими сѣ́дѡй. — Сы́не, не лѣ́ни́ся поскѣ́-
цѣ́ти бола́щихъ, и́ возлю́бленъ си́ми бѣ́дешь. —

Ѣвѣтъ смиренъ швѣщаетъ ѣрость: а слово же-
стоко воздвизаетъ гнѣвы. — Гнѣвъ гѣвитъ и
раздѣмны. — Прѣвѣ навѣнчеса вси живѣщии на
земли. — Мѣжъ мѣдръ созда храмниъ свою на ка-
мени. И снѣде дѣждь, и прѣидѣша рѣки, и возвѣ-
лаша вѣтри, и нападѣша на храмниъ тѣ, и не
падѣса: ѡснована бо вѣ на каменѣ. — Оушеса
мѣдрыхъ ѣщѣтъ смысла. — Къ словесѣмъ мѣдрыхъ
приагай твоѣ оухо. — Не твори зла, и не постѣ-
нитъ тѣа сло: ѡстѣпи ѡ неправды, и оуклонѣтса
(неправда) ѡ тебѣ. — Рече Господь: ѡпѣщуютса ти
грѣси твоѣ. — Ходѣй съ премѣдрыми премѣдръ вѣ-
детъ. — Копѣй ѣмъ ближнемъ своемъ, впадѣтъ
въ нѣю. — Всѣкъ просѣй прѣѣмлетъ и ѣщѣй ѡбвѣта-
етъ, и толкѣщемъ ѡкверзаетса. — Вѣдѣнъ ѣсть вѣмъ
оучитель Христѣсъ: вси же въ вѣрѣѣ ѣсте. — Не
хвалѣса ѡ оутрѣи: не вѣси бо, что родѣтъ на-
ходѣй дѣнь. — Не ревнѣй славы грѣшника: не вѣси
бо, кое вѣдетъ превращѣнѣе ѣгѣ. — Не ѡвѣщѣй
вездѣмною по вездѣмѣю ѣгѣ, да не подобенъ ѣмъ
вѣдѣши. — Яще оубо принесѣши даръ твоѣ ко ѡлта-
рю, и тѣ поманѣши, ѣкѡ вѣрѣтъ твоѣ ѣмѣтъ
нѣчто на тѣа: ѡстѣви тѣ даръ твоѣ прѣдъ ѡлта-
ремъ, и шѣдъ прѣжде смиренъ съ вѣрѣтомъ твоѣмъ,
и тогда прѣѣдъ принесѣ даръ твоѣ. — Всѣ оубо,
ѣлика яще хѣщете, да творѣтъ вѣмъ человѣкъ,

такъ и кы творите ѿмѣ. — Милостыни вѣшеа не творите прѣдъ человѣки, да видими бѣдете мѣ. Тебѣ же творѣщѣ милостыню, да не оувѣсть шѣица твоѣа, что творитѣ десница твоѣа. — Изрывай ѿмѣ искреннемѣ, впадѣтѣа въ ню: балѣай же камень, на себѣ балитѣа. — Слышалѣ ли еси слово, да оумретѣа съ тобою. — На дрѣга ѿ на врага не повѣдай, ѿ аще не бѣдетѣа тебѣ грѣха, не ѡкрывай. — Не входѣщее во оуста сквернитѣа человѣка: но исходѣщее ѿзо ѡстѣа, то сквернитѣа человѣка. — Прѣжде же всѣхъ дрѣгъ ко дрѣгѣ любовь прилѣжитѣа ѿмѣитѣа, занѣ любовь покрывлетѣа множество грѣховъ. — Какъ польза, аще вѣрѣа глаголетѣа кто ѿмѣити, дѣла же не ѿматѣа; егда можетѣа вѣра спасти егѣ. — Аще речемѣа, ѿко грѣха не ѿмалы, себѣ прельцаемѣа, ѿ истины нѣсть въ насѣа.

Упражненія въ чтеніи употребительнѣйшихъ словъ подъ
титлами.

Бѣа (Бѣга), Бѣа (Бѣга), Бѣѣ (Бѣѣ), Бѣови (Бѣгови),
Бѣомѣа (Бѣгомѣа), Бѣе (Бѣе), ѡ Бѣѣ (Бѣѣ).

Бѣа любѣа естъ. — Бѣа помощникъ мой. — Бѣа
Бѣа всѣа произыдоша, видимаа же ѿ невидимаа. —
Пойте Бѣа нѣшемѣа, пойте! — Аще кто речетѣа, ѿко
люблю Бѣа, врага же своего ненавидитѣа ложъ
естѣа. — Бѣе, ѡчисти мѣ грѣшнаго ѿ спаси мѣ. —

мѸ. — Сѣ́ый ѿже, Сѣ́ый вѣ́ркий, Сѣ́ый безсмерт-
ный, помилуй насъ! — Сѣ́и вѣ́дите, ѿкоже Сѣ́х
Гдѣ́ Бѣ́х вѣ́шх. — Сѣ́аа сѣ́ымх.

Сѣ́х (Сѣ́цх), Сѣ́х (Сѣ́нх), Дѣ́х (Дѣ́хх), Дѣ́а (Дѣ́аа),
Тѣ́а (Тѣ́оа), Пѣ́к (Пѣ́нх), Пѣ́ш (Пѣ́шх).

Сѣ́х, Сѣ́х ѿ Сѣ́ый Дѣ́х Тѣ́а Сѣ́аа. — Оупо-
ва́нїе мое Сѣ́х, привѣ́жице мое Сѣ́х, покрѣ́х
мой Дѣ́х Сѣ́ый, Тѣ́е Сѣ́аа сла́ва текѣ́. — Во ѿма
Сѣ́а, ѿ Сѣ́а, ѿ Сѣ́аа Дѣ́а. ѿмѣ́нь. — Сла́ва Сѣ́х,
ѿ Сѣ́х, ѿ Сѣ́омѸ Дѣ́х, ѿ Пѣ́к ѿ Пѣ́ш, ѿ во вѣ́ки
вѣ́ковъ. ѿмѣ́нь. — Вѣ́рѸ ѿ вѣ́х Дѣ́а Сѣ́аго, Гдѣ́
животворѣ́щаго, ѿже ѿ Сѣ́а ѿсхо́дѣщаго, ѿже со
Сѣ́емх ѿ Сѣ́омх спокланѣ́ма ѿ сла́вима. — Пре-
сѣ́аа Тѣ́е Бѣ́е на́шх, сла́ва текѣ́! — ѿ сѣ́а во-
ста́вх, благода́рю Тѣ́а, Сѣ́аа Тѣ́е. — Да возрѣ́дѣтсѧ
дѣ́ша тѣ́оа ѿ Гдѣ́, ѿвлече́ во тѣ́а вѣ́х рѣ́з спа-
се́нїа.

Бѣ́а (Богоро́дица), Дѣ́а (Дѣ́ва), Мѣ́а (Ма́ріа), Мѣ́ти
(Ма́ти), Пѣ́шдѣ́а (Пѣ́шдѣ́ва).

Пре́сѣ́аа Дѣ́а Мѣ́а нарица́етсѧ Бѣ́а, поне́же ро-
дила́ е́сть Бѣ́а ѿ Сѣ́а на́шего, ѿна́ Хрѣ́та. — ѿ
Пре́сѣ́аа Бѣ́а пѣ́но́дѣа Мѣ́и воплотѣ́сѧ Гдѣ́ на́шх
ѿна́ Хрѣ́то́сѧ. — Дѣ́а Бѣ́а пѣ́сѣ́ чи по́чтимъ, ѿко
во ѿсти́нѣ е́сть мѣ́ти Хрѣ́та Бѣ́а на́шего. — Во Пре-
сѣ́аа Дѣ́а Мѣ́и Бѣ́а помѣ́лимсѧ. — Пре́сѣ́аа
пѣ́шдѣ́а, Мѣ́ти Хрѣ́та Бѣ́а, прине́си на́ша мѣ́тѣа

СНЪ ТВОЕМЪ И БІЪ НАШЕМЪ, ДА СПАСЕТЪ ТВОЮ
ДУШУ НАШУ.

АГГЛЪ (Ангелъ), ВЛКО (Владыко), ВЛЦА (Владычица),
БЛГЪ (Благо), ЦРЬ (Царь), ЦРЦА.

Ополчитса АГГЛЪ ГДЕНЬ ОКРЕСТЪ ВОЛЦИНХУ ВГШ
И ИЗБАВИТЪ НХЪ. — СТІИ АРХАГГЛИ И АГГЛИ МОЛІТЕ
БІА ѿ НАСЪ. — АГГЛШМЪ СВОИМЪ ЗАПОВѢТЬ ѿ ТЕБѢ,
СОХРАНИТИ ТѢ ВО ВСѢХЪ ПДТЕХЪ ТВОИХЪ. — ПОЙТЕ
БІЪ НАШЕМЪ, ПОЙТЕ: ПОЙТЕ ЦРЬИ НАШЕМЪ, ПОЙТЕ,
ИКО ЦРЬ ВСЕА ЗЕМЛИ БІЪ. — СТІИ АГГЛЕ ХРАНИ-
ТЕЛЮ МОЮ, ѿ ВСАКАГО ЗЛА СОХРАНИ МЯ. — БЛГОСЛОВИ,
ВЛКО, СТІИ ВХОДЪ. — ПРЕСТАВЛѢЦЕ БЦЕ, МОЛИ ѿ
НАСЪ ГРѢШНЫХЪ. — ГДИ И ВЛКО ЖИВОТѢ МОЕШУ, ДШУ
ПРАЗДНОСТИ, ОУНЫНІА, ЛЮБОНАЧАЛІА, И ПРАЗДНОСЛО-
ВІА НЕ ДАЖДЕ МНѢ. — БЛГЪ МНѢ ЗАКОНЪ ТВОЙ, ПА-
ЧЕ ТЫСАЦИЗ ЗЛАТА И СРЕБРА. — ЦРЬ НВНИЙ ХРТОСЪ,
ЦРЦА НВНАА ПРЕСТАВЛѢ МТРЬ ВГШ, ПРЕСТАВЛѢ ДѢА
МРІА. — ЦРТКО ТВОЕ ГДИ, ЦРТКО ВСѢХЪ БѢКШВЪ.

ЕВЛІСТЪ (Евангелистъ), ЕПКОПЪ (Епископъ), ІИЛЬ (Ізраиль),
КРТЪ (Крестъ), ІЕРЛИМЪ (Іерусалимъ).

ЕВЛІСТЪ ІОАННЪ НАПИСА ЧЕТВЕРТОЕ (ПО ВРЕМЕНИ)
ЕВЛІЕ, СІРКЧЬ БЛГОКѢТІЕ ѿ ІИСК ХРТКА. — ЕПКОПЪ
ЕСТЬ ТОЖДЕ, ЕЖЕ И АРХІЕРЕЙ. — ІИЛЬ ЖИВѢШЕ НА ЗЕМЛѢ
ХАНААНИ. — КРТЪ ТВОЕМЪ ПОКЛОНАЕМСА ВЛКО! — СЛѢВА,
ГДИ, КРТЪ ТВОЕМЪ ЧТНОМЪ. — ИСПОВѢДЮ ЕДИНО
КРЩЕНІЕ ВО ѿСТАВЛЕНІЕ ГРѢХШВЪ. — ѾГРАДИ МЯ, ГДИ,

силою чѣннаго и животворѣщаго Крѣта, и тѣмъ
сохрани мѧ ѿ всѧкаго зла. — Иисъ Хрѣтосъ распятъ
бысть на крѣтѣ во градѣ Іерусалимѣ.

Мѡрость (Мѡдарость), Премѣръ (Премѡдаръ), Мѡть (Мѡ-
лость), Мѡтва (Мѡлитва), Прѣтолъ (Престолъ).

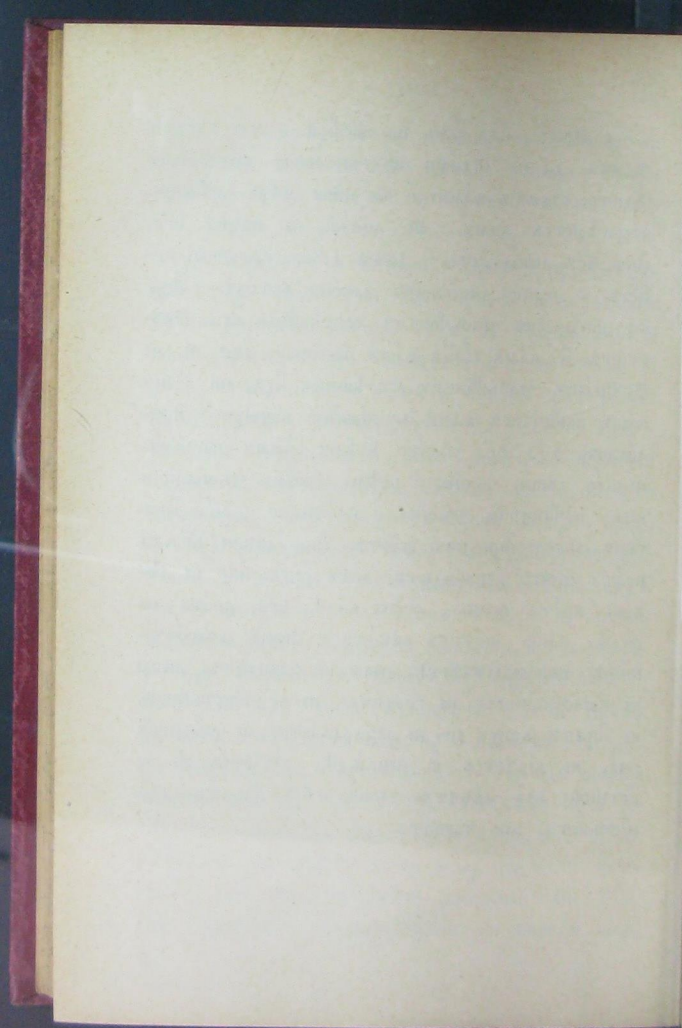
Мѡрость ѿ Гдѧ. — Снъ премѣръ веселитъ оца. —
Мѡть Гдѧ на болящихъ бгѡ. — Мѡтва мѣтна
ѿ смѣрти избавляетъ. — Прѣтолъ Твой, Бже, во
вѣкѣхъ вѣка.

Очи апѡл, прѡрѡцы, мѣнцы, стѡлн, сѣенномѣнцы,
прѡбѡнн, прѡнн со Прѣтею, архѡггѡлн и аггѡлн прѡш
мѡлѡтсѧ ѡ насъ ко Гдѡ Бгѡ нашему, въ Трѣтѣ
Очиѣй славимомъ. — Прѡнницы внидѡтъ въ цѣтво
нѣное. — Осиенницы твоѡ, Гдѡ, ѡблекѡтсѧ прав-
дою. — Оучѣль нашихъ Иисъ Хрѣтосъ имѡше двѡна-
десѡть оучѣнкѡхъ своихъ, иже нарицѡутсѧ апѡл. —
Ржѣтво твое, Хрѣте Бже нашъ, возсѧ мѡрови свѣтѡхъ
разума. — Нбо прѣтолъ мой, глѡлетъ Гдѡ, Землѧ
же подножіе ногѡхъ моихъ. — Пѡмѡть прѡвѡхъ сѧ
похвалѡми: имѡ же нечестивѡхъ оугаснетъ. — Из-
оустѡхъ млѡнцѡхъ и сѡвѣнѡхъ совершилъ сѧ хвалѡ. —
Орѣце мѡдрѡхъ въ домѣ пѡлѣа, а орѣце безмѡнѡхъ
въ домѣ веселѡа. — Орѣце чисто созижди во мнѣ,
Бже! — в' началѣ сотвори Бгѡ нбо и Землю. —
Очи Гдѡ на прѡвѡмѡ, и оуши бгѡ въ мѡтѡвѡхъ
ихъ. — Мѡрдѡа двѣри ѡвѣрзи намъ, благословѣннаѡ

Бѣе! — Не кланитеса ни нѣбомъ, ни землию, ни
иною коюю клантвою. — Во црѣтѣи твоѣмъ помани
насъ Гди, егда прїдеши во црѣтѣи твоѣмъ.

Бгъ възышетъ гонимаго. — Слова прѣваа ле-
витъ Гдѣ. — Сыне, чтѣ Гдѣ, и оукрѣпишеса: кромѣ
же бгъ не бойса иного. — Гдѣ, не швержи мене ш
лица Твоегъ, и Дха Твоегъ стѣгъ не шмии ш
мене. — Гдѣ, помози намъ и избави насъ имене
Твоегъ ради. — Всякое дыханіе да хвалитъ Гдѣ. —
Въ день скорби моеа Бга възыскахъ. — Глагомах
моимъ ко Гдѣ възвахъ, глагомах моимъ ко Гдѣ
помолихса. — Исх призъ оученики своа, и избрѣ
ш нѣхъ дванадесате. — Англе Бжїи, хранителю мой
стѣи, ш всякаго зла сохрани ма. — Исх видѣхъ
многъ народъ, и милосердова ш нѣхъ, и исцѣли
недѣжныа нѣхъ. — Воззваша прѣвѣднїи, и Гдѣ оуслы-
ша нѣхъ, и ш всѣхъ скорбей нѣхъ избави нѣхъ. —
Почитаай Гдѣ милуетъ ницѣго. — Не ш хвалѣхъ
ѣдиномах живъ вѣдетъ члѣхъ, но ш всякомъ глаголахъ,
исходящѣмъ изъ оустъ Бжїиныхъ. — Рече Гдѣ своимъ
оученикомъ: аще любите Ма, зѣповѣди Моа со-
блюдѣте. — Рече Гдѣ: аѣхъ глаголю вамъ, аѣко всякъ
гнѣваайса на брата своего всѣхъ повиненъ естъ
сдѣхъ. — Рече Гдѣ: не всякъ глаголай Ми: Гдѣ,
Гдѣ, видѣтъ въ црѣтѣи нѣбесное: но творай болю

Оца Моего, иже есть на небесах. — Рече Госдъ: не судите, да не судимъ вѣдете. Илиже бо судомъ судите, судитъ вамъ: и въ нѣмъ мѣрѣ мѣрите, возмѣрится вамъ. — Не любяи, не познавша, какъ Бга любви есть. — Другъ другъ тѣлѣхъ носитъ, и такъ исполните законъ Христоу. — Яче бо ѿсудаетъ человековъ согрѣшеніа ихъ, ѿпуститъ и вамъ Оцъ вашъ небесный: яче ли не ѿсудаетъ человековъ согрѣшеніа ихъ, ни Оцъ вашъ ѿпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ. — Возлюбивши Госда Бога твоего всѣмъ срцемъ твоимъ, и всею душею твоєю, и всѣмъ оумомъ твоимъ, и всею крѣпостію твоєю; и ближняго своего какъ самъ себя. — Яче кто речетъ, какъ люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложъ есть: ибо не любяи брата своего, егѡже видѣ, Бога, егѡже не видѣ, какъ можетъ любить. — Любы долготерпятъ, милосѣрдѣютъ; любы не забываютъ; любы не прекозносите, не гордятся, не безчинствуютъ, не ищутъ своихъ снъ, не раздражаются, не мыслятъ зла, не радуются ѡ неправдѣ, радуются же ѡ истинѣ: всѣ любятъ, всемъ вѣрѣ смѣютъ, всѣ оупобаютъ, всѣ терпятъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

Религіозно-нравственный отдѣлъ. *Стр.*

Ученіе Господа Иисуса Христа.....	7
Притча о домѣ, построенномъ на камнѣ, и о домѣ, построенномъ на пескѣ.....	9
Притча о сѣятелѣ.....	—
Притча о милосердомъ самарянинѣ.....	10
Притча о мытарѣ и фарисеѣ.....	12
Притча о блудномъ сынѣ.....	—
Исцѣленіе слѣпыхъ.....	15
Исцѣленіе прокаженныхъ.....	16
Чудесное насыщеніе народа пятью хлѣбами.....	—
Воскрешеніе сына вдовы Наинской.....	17
Воскрешеніе Лазаря.....	18

II.

Ботаническій отдѣлъ.

Сѣмя.....	23
Корень.....	25
Листья.....	28
Стебель.....	31
Цвѣты.....	34
Плоды.....	37

Зоологическій отдѣлъ.

Стр.

Міръ животныхъ.....	41
Обезьяна.....	43
Летучая мышь.....	49
Рѣчной бобръ.....	52
Левъ.....	57
Медвѣдь.....	62
Слонъ.....	68
Китъ.....	76
Верблюды.....	80
Сѣверный олень.....	83
Африканскій страусъ.....	87
Хищныя птицы (филинъ, орелъ, кондоръ).....	91
Птицы жаркихъ странъ (попугаи, райская птица, колибри).....	98
Крокодилъ.....	104
Змѣи. Лягушка.....	107
Рыбы (акула, осетръ, сельдь).....	112
Мягкотѣлые или моллюски.....	119
Превращеніе насѣкомыхъ.....	125
Шелковичная бабочка.....	128
Пчела.....	132
Муравей. Термиты.....	135
Паукообразныя.....	142
Черви.....	144
Морская звѣзда, коралль, медуза, губка и гидра..	148
Микроскопическій міръ.....	155
Общій обзоръ животнаго царства.....	159
Томасъ Эдуардъ. (Біографія).....	164

Географическій отдѣлъ.

Планъ и карта. Страны свѣта.....	171
Материки.....	174
Острова.....	180
Моря и океаны.....	181
Атмосферныя осадки.....	183
Воды суши.....	186

Горы и горныя страны.....	191
Вулканы. (По Рубакину).....	195
Землетрясенія. (По Рубакину).....	197
Вѣтеръ. (По Рубакину).....	199
Смерть. <i>Гончаровъ</i>	201
Работа воды. (По Рубакину).....	202
Какія бываютъ горныя породы и какъ произошла почва.....	205
Форма земли.....	208
Линіи глобуса.....	211
Движеніе земли; день и ночь; времена года.....	213
Климатъ. Климатическіе пояса.....	217
Сѣверныя полярныя страны.....	220
Тропическія страны.....	224
Страны умѣреннаго пояса.....	228
Солнце, луна и звѣзды.....	230

Географія Россіи.

Сѣверный край.....	236
Дерево.....	242
Финляндія.....	245
Петербургъ.....	252
Западный край.....	257
Польше. <i>Тургеневъ</i>	264
Внутреннія губерніи.....	266
Деревня. <i>Тургеневъ</i>	271
Москва.....	272
Прядильныя волокна и ткацкое производство.....	277
Волга.....	282
Лѣсной пожаръ. <i>Печерскій</i>	289
Малороссія.....	291
Украинская ночь. <i>Гоголь</i>	295
Двѣпръ. <i>Гоголь</i>	296
Въ Кіевѣ. Разсказъ <i>С. Меча</i>	297
Сахаръ.....	303
Степной край.....	307
Степи. <i>Гоголь</i>	310

	<i>Стр.</i>
Каменный уголь.....	311
Крымъ.....	319
У моря. <i>Набсонъ</i>	325
Соль.....	—
Кавказъ.....	332
Кавказъ. <i>Пушкинъ</i>	337
Горный водопадъ.....	338
Закавказье.....	340
Керосинъ и нефть.....	345
Уралъ.....	353
Жельзо (чугунъ, ковкое жельзо и сталь).....	359
Западная Сибирь.....	363
Золото.....	371
Восточная Сибирь (Якутская область. Камчатка)...	374
Восточная Сибирь (Амуръ и Уссурийскій край)...	382
Туркестанскій край.....	390

Историческій отдѣлъ.

Языческая вѣра славянъ.....	399
Владимиръ Святой и крещеніе Руси.....	401
Владимиръ Мономахъ.....	404
Походъ Игоря Сѣверскаго на половцевъ.....	407
Основаніе Кіево-Печерской лавры.....	409
Княгиня Евфросинія Полоцкая.....	414
Татарское нашествіе.....	416
Татарская неволя.....	419
Даніиль галицкій и судьба Галицкой Руси.....	422
Начало и возвышеніе Москвы.....	426
Куликовская битва и уничтоженіе татарскаго ига..	429
Святой Сергій и основаніе Троицко-Сергіевской лавры.....	434
Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.....	436
Завоеваніе Сибири.....	445
Заселеніе Сибири.....	448
Начало смуты на Руси.....	452
Осада Троицко-Сергіевской лавры и конецъ смуты.	456

III.

Литературный отдѣлъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. (Біографія).....	465
Горькая доля. <i>Кольцовъ</i>	467
Ночлеги чумаковъ. <i>Кольцовъ</i>	468
Передъ образомъ Спасителя. <i>Кольцовъ</i>	469
Максимъ Ивановъ. <i>Кругловъ</i>	—
Бѣлка. <i>Крыловъ</i>	472
Лѣтній вечеръ. <i>Гончаровъ</i>	473
Маша. <i>Некрасовъ</i>	—
Робертъ Фултонъ. (Сокращено по сборнику Гилларова).....	474
Обезьяна. <i>Крыловъ</i>	477
Исторія пяти горошинъ. <i>Андерсенъ</i>	478
Казачья колыбельная пѣсня. <i>Лермонтовъ</i>	481
Гроза. <i>Гончаровъ</i>	482
Туча. <i>Пушкинъ</i>	484
Свинья подъ дубомъ. <i>Крыловъ</i>	—
Флоренса Найтингель. (Біографія).....	485
Вѣтка Палестины. <i>Лермонтовъ</i>	487
Медвѣди. <i>Гаршинъ</i>	488
Цыганскій таборъ. <i>Пушкинъ</i>	492
Съ крѣпостного вала. <i>Андерсенъ</i>	—
Колодники. А. Толстой.....	493
Евангеліе.....	494
Петръ Куперъ. (Біографія).....	—
Щука и котъ. <i>Крыловъ</i>	498
Смерть. <i>Тургеневъ</i>	499
Смерть дерева. А. Толстой.....	501
Ангель. <i>Лермонтовъ</i>	502
Спасеніе погибавшаго. <i>Льсковъ</i>	503
Демьянова уха. <i>Крыловъ</i>	505
Пасторъ Оберлейнъ. (Біографія).....	506
Водопадъ и ручей. <i>Крыловъ</i>	510
Парусъ. <i>Лермонтовъ</i>	—
Орелъ въ неволѣ. Достоевскій.....	511
Василекъ. <i>Крыловъ</i>	513

	<i>Стр.</i>
Паяцъ. <i>Андерсенъ.</i>	514
Сиротка. <i>Анустинъ.</i>	516
Разсвѣтъ весной. <i>Тургеневъ.</i>	517
Зимнее утро. <i>Пушкинъ.</i>	518
Слонъ и моська. <i>Крыловъ.</i>	519
Ломоносовъ. (Биографія).	—
Школьникъ. <i>Некрасовъ.</i>	524
Ванька. <i>Чеховъ.</i>	—
Мужичокъ съ нототокъ. <i>Некрасовъ.</i>	528
Поздно! (Изъ Георга Крабба).	529
Спаситель. <i>К. Р.</i>	531
Мірская сходка. <i>Крыловъ.</i>	532
Греческій мудрецъ Сократъ. (Биографія).	—
Несжатая полоса. <i>Некрасовъ.</i>	536
Лѣсъ осенью. <i>Тургеневъ.</i>	537
Выхожу одинъ я на дорогу. <i>Лермонтовъ.</i>	538
Мужикъ Марей. <i>Достоевскій.</i>	539
Воръ. <i>Некрасовъ.</i>	542
Осель и соловей. <i>Крыловъ.</i>	543
Тоска. <i>Чеховъ.</i>	544
Сосна. (Изъ Гейне). <i>Лермонтовъ.</i>	548
Лжецъ. <i>Крыловъ.</i>	—
Докторъ Гаазъ. (Биографія).	550

IV.

Церковно-славянское чтеніе.

Церковно-славянская азбука.	559
Славянскія буквы, сходныя съ русскими	560
Славянскія буквы, несходныя съ русскими.	561
Славянскія буквы, не находящіяся въ русской аз- букѣ.	562
Упражненія въ чтеніи безъ титлъ.	563
Упражненія въ чтеніи употребительнѣйшихъ словъ подъ титлами.	565

Алфавитный указатель.

Амуръ и Уссурийскій край.	382
Ангель. <i>Дерматовъ</i>	502
Атмосферные осадки.	183
Бѣлка. <i>Крыловъ</i>	472
Ванька. <i>Чеховъ</i>	524
Василекъ. <i>Крыловъ</i>	513
Верблюды.	80
Владимиръ Святой и крещеніе Руси.	401
Владимиръ Мономахъ.	404
Внутреннія губерніи.	266
Водопадъ и ручей. <i>Крыловъ</i>	510
Воды суши.	186
Волга.	282
Воръ. <i>Некрасовъ</i>	542
Восточная Сибирь (Якутская область. Камчатка).	374
Восточная Сибирь (Амуръ и Уссурийскій край).	382
Вулканы.	195
Въ Кіевѣ. Разсказъ <i>С. Меча</i>	297
Выхожу одинъ я на дорогу. <i>Дерматовъ</i>	538
Вѣтеръ.	199
Вѣтка Палестины. <i>Дерматовъ</i>	487
Горный водопадъ.	338
Горы и горныя страны.	191
Горькая доля. <i>Колыцовъ</i>	467
Греческій мудрецъ Сократъ. (Біографія).	532
Гроза. <i>Гончаровъ</i>	482
Даніиль галицкій и судьба Галицкой Руси.	422
Движеніе земли: день и ночь; времена года.	213
Демьянова уха. <i>Крыловъ</i>	505
Деревня. <i>Тургеневъ</i>	271

	<i>Стр.</i>
Дерево.	242
Двѣпрѣ. <i>Гоголь.</i>	296
Докторъ Гаазъ. (Біографія).	550
Евангеліе.	494
Желѣзо (чугунъ ковкое желѣзо и сталь).	359
Завоеваніе Сибири.	445
Закавказье.	340
Западная Сибирь.	363
Западный край.	257
Заселеніе Сибири.	448
Землетрясенія.	197
Зимнее утро. <i>Пушкинъ.</i>	518
Змѣи. Лягушка.	107
Золото.	371
Исторія пяти горошинъ. <i>Андерсенъ.</i>	478
Кавказъ.	332
Кавказъ. <i>Пушкинъ.</i>	337
Казачья колыбельная пѣсня. <i>Лермонтовъ.</i>	481
Какія бываютъ горныя породы и какъ произошла почва.	205
Каменный уголь.	311
Керосинъ и нефть.	345
Китъ.	76
Климатъ. Климатическіе пояса.	217
Княжна Евфросинія Полоцкая.	414
Колодники. <i>А. Толстой.</i>	493
Кольцовъ Алексѣй Васильевичъ. (Біографія).	465
Корень.	25
Крокодилъ.	104
Крымъ.	319
Куликовская битва и уничтоженіе татарскаго ига.	429
Левъ.	57
Летучая мышь.	49
Лжецъ. <i>Крыловъ.</i>	548
Линія глобуса.	211
Листья.	28
Ломоносовъ. (Біографія).	519
Лѣсной пожаръ. <i>Печерскій.</i>	289

Лѣсъ осенью. <i>Тургеневъ</i>	537
Лѣтній вечеръ. <i>Гончаровъ</i>	473
Лягушка	107
Максимъ Ивановъ. <i>Круловъ</i>	469
Малороссія	291
Материки	174
Маша. <i>Некрасовъ</i>	473
Медвѣди. <i>Гаршинъ</i>	488
Медвѣдь	62
Микроскопическій міръ	155
Мірская сходка. <i>Крыловъ</i>	532
Міръ животныхъ	41
Морская звѣзда, коралль, медуза, губка и гидра . .	148
Моря и океаны	181
Москва	272
Мужикъ Марей. <i>Достоевскій</i>	539
Мужичокъ съ ноготокъ. <i>Некрасовъ</i>	528
Муравей. Термиты	135
Мягкотѣлые или моллюски	119
Начало и возвышеніе Москвы	426
Начало смуты на Руси	452
Несжатая полоса. <i>Некрасовъ</i>	536
Ночлегъ чумаковъ. <i>Кольцовъ</i>	468
Обезьяна	43
Обезьяна. <i>Крыловъ</i>	477
Общій обзоръ животнаго царства	159
Осада Троицко-Сергіевской лавры и конецъ смуты .	456
Орель въ неволѣ. <i>Достоевскій</i>	511
Осель и соловей. <i>Крыловъ</i>	543
Основаніе Кіево-Печерской лавры	409
Острова	180
Парусь. <i>Лермонтовъ</i>	510
Пасторъ Оберлейнъ. (Біографія)	506
Паяцъ. <i>Андерсенъ</i>	514
Паукообразныя	142
Передъ образомъ Спасителя. <i>Кольцовъ</i>	469
Петербургъ	252

	<i>Стр.</i>
Петръ Куперъ. (Биографія).....	494
Планъ и карта. Страны свѣта.....	171
Плоды.....	37
Поздно! (Изъ Георга Крабба).....	529
Полѣсье. <i>Тургеневъ</i>	264
Походъ Игоря Сѣверскаго на половцевъ.....	407
Превращеніе насѣкомыхъ.....	125
Прядильныя волокна и ткацкое производство.....	277
Птицы жаркихъ странъ (попугаи, райская птица, колибри).....	98
Пчела.....	132
Работа воды.....	202
Разсвѣтъ весной. <i>Тургеневъ</i>	517
Робертъ Фультонъ.....	474
Рыбы (акула, осетръ, сельдь).....	112
Рѣчной бобръ.....	52
Сахаръ.....	303
Свинья подъ дубомъ. <i>Крыловъ</i>	484
Святой Сергій и основаніе Троицко - Сергіевской лавры.....	434
Сиротка. <i>Апухтинъ</i>	516
Слонъ.....	68
Слонъ и моська. <i>Крыловъ</i>	519
Смерть. <i>Тургеневъ</i>	499
Смерть дерева. <i>Л. Толстой</i>	501
Смерть. <i>Гончаровъ</i>	201
Солнце, луна и звѣзды.....	230
Соль.....	325
Сосна. (Изъ Гейне). <i>Лермонтовъ</i>	548
Спасеніе погибавшаго. <i>Льсковъ</i>	503
Спаситель. <i>Б. Р.</i>	531
Стебель.....	31
Степи. <i>Гоголь</i>	310
Степной край.....	307
Страны умѣреннаго пояса.....	228
Страусъ.....	87
Съ крѣпостнаго вала. <i>Андерсенъ</i>	492

Сѣверный край.	236
Сѣверный олень.	83
Сѣверныя полярныя страны.	220
Сѣмя.	23
Татарская неволя.	419
Татарское нашествіе.	416
Томасъ Эдуардъ. (Біографія).	164
Тоска. <i>Чеховъ</i>	544
Тропическія страны.	224
Туркестанскій край.	390
Туча. <i>Пушкинъ</i>	484
Украинская ночь. <i>Гоголь</i>	295
У моря. <i>Надсонъ</i>	325
Ураль.	353
Финляндія.	245
Флоренса Найтингель. (Біографія).	485
Форма земли.	208
Хищныя птицы (филинъ, орелъ, кондоръ).	91
Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.	436
Цвѣты.	34
Цыганскій таборъ. <i>Пушкинъ</i>	492
Черви.	144
Шелковичная бабочка.	128
Школьникъ. <i>Некрасовъ</i>	524
Шука и котъ. <i>Крыловъ</i>	498
Языческая вѣра славянъ.	399
Якутская область. Камчатка.	374

